

ПАНДЕМОНИУМ

власть учредительному
собранию

12+

Дмитрий Потехин

Дмитрий Владимирович Потехин

Пандемониум

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=47177098

SelfPub; 2021

Аннотация

Декабрь 1916 года. Двадцатилетний московский студент Евгений Цветков мучается тяжелой депрессией, навязанной тревогой за страну и страхом перед жизнью как таковой. В надежде на помощь он обращается к психологу – приехавшему из Англии филантропу доктору Беннетту. Доктор дает ему совет, который навсегда меняет жизнь Евгения, окунув его в таинственный и пугающий мир черной магии.

Дмитрий Потехин

Пандемониум

Евгений

Как-то раз по пути в редакцию журнала «Задира» студент Евгений Цветков, чьи безрадостные глаза напряженно бежали по строкам его новой сатирической поэмы в поисках ошибок, услышал за спиною перепалку, быстро переходящую в ругань. В утренний час трамвай был битком набит народом. Взгляд Евгения уперся в старую, неприятно пахнущую шубу, поблескивающую дорогими пуговицами шинель и деревенский тулуп, наполовину прикрытый мягкой, растекающейся по нему, седой бородой. Конфликт бушевал в дальнем конце вагона, и увидеть, что там происходит Евгений при всем желании не мог. Он снова погрузился в поэму, параллельно с поиском ошибок отчаянно стараясь как-то исправить ущербную рифму. Он слышал, как брань, словно инфекция охватывает все новых пассажиров. Каждый стремился вставить свое слово, и каждое новое слово, независимо от его предназначения, только раздувало пламя.

Когда на смену проплывавшему за окном заснеженному скверу пришли по-зимнему блеклые доходные дома с подслеповатыми сонно-серыми окнами, Евгений запихнул поэму в портфель и, поднявшись с места, стал протискиваться

к выходу. Скандал, который вроде бы пошел на убыль вдруг разразился с прежней силой, как только трамвай начал сбавлять ход, подъезжая к станции.

Наконец, привстав на цыпочки, Евгений смог разглядеть, источник смуты. Какой-то слабоумный солдатишко решил проехаться в трамвае, затесавшись в толпу.

– Катись отсюда, сказала тебе! Вшей тут распускает! – орала толстомордая баба в шерстяном платке, яростно отстраняясь от солдата и тем самым толкая его к выходу.

– Давай, давай, братец! – примирительно поддакивал мужской голос. – Че тебе охота с бабой цапаться? Щас кондуктор придет, выставит тебя!

– Граждане! – завопил вдруг солдат детским плаксивым голосом. – Не толкайте, я выйду!

– Выходи, не задерживай! – прорычал здоровенный мужчина в козлиной шапке и, как только трамвай остановился, ринулся на солдата, словно живая гора. Пиликнула металлическая дверца, раздался крик.

Когда напирющий сзади поток выбросил Евгения на улицу, он мельком увидел солдата, который все пытался выхватить из-под ног пассажиров свою несчастную затоптанную папаху.

«Мне должно быть его жаль...» – подумал Евгений и устыдился того нравственного оупения, которое отчего-то происходило с ним в последнее время.

Утренний декабрьский воздух приятно кусал за щеки и

вымораживал ноздри, ключьями белого пара валил изо рта. Нападавший за ночь мокрый снег уже облетел с ветвей деревьев; лежащий тонким слоем на земле, покрылся следами калош и птичьих лап. Похоже ему вновь предстояло растаять. Начавшаяся зима, словно нерадивый чиновник, не спешила приступать к своим обязанностям.

Евгений шел по слякоти мимо скользящих под цокот копыт саней и гремящих по булыжнику пролетов, свернул в темную, облезлую арку, где летом всегда остро пахло мочой, зашел во двор-колодец с тремя облупившимися дверьми под гнутыми ржавеющими козырьками.

– С утричком вас, господин Цветков! – расплылся в улыбке полный швейцар в аляповатом картузе и задубелой, висящей колоколом шинели. Его маленькие глаза, чернеющие на толстой физиономии, как мухи на хлебе, по обыкновению смотрели один прямо, а другой резко вкось.

Евгений натянуто улыбнулся и, сбив с калош грязную слизь, прошел в заботливо распахнутую перед ним дверь. Поднялся на третий этаж.

Это был довольно просторный, пропахший сигарами и сладким кофе кабинет, куда даже в самые ясные дни мало заглядывало солнце благодаря темным занавескам и глухости двора. Скрипучий истрескавшийся паркет, весь в грязных отметинах, ветхие, как листья гербария обои. В двух стеллажах пылились, постепенно превращаясь в бумажный хлам, письма, оттиски, рукописи, альбомы с карикатурами,

а также книги профессиональной направленности. Обладателя начальственного стола, главного редактора «Задиры» Андрея Зауера на месте не было. Висящий на спинке стула сюртук и дымящаяся чашка кофе обещали его скорое появление.

– Привет, Женюр! – улыбнулся стучавший в углу на печатной машинке молодой человек с напудренным до мертвенной бледности длинноносым лицом и сверкающими, прилизанными волосами.

– Привет!

Помощник Зауера по фамилии Калик, о котором Евгений знал только то, что это был очень женственный юноша, любивший изящные костюмы и все, что связано с Францией.

– Новая поэма, да? Андрей сейчас придет.

Евгений поставил портфель на пустующий стул и принялся ждать, слушая перестукивание клавиш, чередующееся с мерным тиканьем настольных часов.

Не прошло и минуты, как дверь распахнулась, и в кабинет нервной походкой, весь погруженный в своих внутренних демонов, ворвался сам Зауер. Он был лет на семь старше Евгения. Высокого роста, почти коренаст, с крупными кистями рук и высоколобым, широким, словно у совы лицом, неизменно держащим маску беззгливости и уныния. Верхнюю губу украшали совершенно безвкусные, точно приклеенные гримером «мышинные хвостики».

– Кому это все надо, кому... – бормотал он себе под нос,

не замечая Евгения. – Черт бы их...

– О, ты? Привет! Давно не виделись! – Зауер подхватил руку Евгения и спешно пожал ее. – Как успехи, гений?

Евгений скромно улыбнулся и, ничего не ответив, вынул из портфеля рукопись.

– Неплохо, неплохо. У меня есть пять минут, сейчас ознакомлюсь. Присядь!

– Голубятня! – Зауер многозначительно поднял брови. – Что-то политическое, чую...

Он надел очки и склонился над поэмой, быстро прочесывая глазами текст и звонко отхлебывая кофе. Глубокая морщина пролегла меж его бровей.

Зауер был человеком незаурядного ума, талантливым журналистом, отлично знавшим историю, хорошо разбиравшимся в политике и поверхностно освоившим многие науки. Единственным пробелом в его знаниях, по мнению Евгения, было полное непонимание человеческой природы (что, впрочем, не большая редкость для интеллектуалов), а также, как с усмешкой признавал сам Зауер, неумение отличить ямб от хоря.

Маленькие, острые зрачки Зауера перескакивали со строки на строку с частотой секундных стрелок. На лице ни разу не возникло даже подобия улыбки.

– Ты хочешь, чтобы я *это* пропустил в печать? – недоуменно и, кажется, даже оскорбленно произнес Зауер, не дочитав до конца.

Евгений чувствовал, что дифирамбов не будет, но все-таки надеялся на более теплую реакцию.

– Что-то не так?

– Конечно, не так. Это же все про них! – он небрежно кивнул в сторону висящего на стене со дня начала войны портрета императора. – Черная галка в голубятне – это кто?

– Ну... это образ...

– Распутина! «Она была чернее сажи среди гордых белых голубей. Вот только кто об этом скажет, когда все спрячутся за ней?»

– Это аллегория на любое общество, – смущенно проговорил Евгений, чувствуя себя отцом, узнавшим, что его новорожденный ребенок неизлечимо болен. – Общество, погрязшее в разврате, где любой харизматичный проходимец...

– Дальше можешь не продолжать, я был о тебе лучшего мнения!

– Я ведь не написал, что галку сочли святой, – упрямо продолжал Евгений. – Собственно, идею мне подал прежде всего Гоголевский «Ревизор»...

– Так! – Зауер раздраженно хлопнул рукой по столу. – Никакой общественно-политической эзоповщины, пока идет война! Это понятно? Писать так, чтобы дураку было смешно, а сукину сыну не обидно – замечательно. Вот только сукин сын нутром чует, когда речь идет о нем. Сейчас от тебя требуется писать, чтобы дураку было смешно! И только!

Евгений хмуро цыкнул языком.

– Ну а это что? – брезгливо продолжал Зауер. – «И потому во все века, галчатам носят червяка». Знаешь, сколько найдут толкований этих строк, когда м-м... нас всех посадят под замок?

Калик хихикнул.

– Возьми! Не обижайся и не сжигай. Возможно, в будущем она еще пригодится.

Евгений мрачно принял обратно свое детище, точно зная, что похоронит его в ящике стола.

По правде говоря, он не очень-то старался, когда творил свою поэму. Будучи даровитым поэтом, начавшим писать в семь лет, Евгений уже давно не стоял на коленях перед музой и считал вдохновение оправданием для бездарей. И все же ему было жаль усилий, времени, удачных острот, а главное, денег, которые он так и не получит в качестве гонорара.

– А если хочешь написать что-то социальное, – продолжал Зауер. – Вот тебе новость: актер из Екатеринбурга, фамилия... выпала из головы, но весьма известный, хотел отдать все свои деньги и имущество, включая квартиру, какому-то грязному, вшивому бродяге. И знаешь за что?

– За что?

– Чтобы тот позволил ему поселиться в своей землянке где-то в лесу и переждать там конец света и Страшный суд!

Евгений рефлекторно фыркнул, хотя не испытывал ни малейшего желания смеяться.

– Варваризация! Общество начинает жить химерами тем-

ных веков!

– Ну... по правде сказать, – Евгений кивнул в сторону утепленного ватой окна. – Поверить в конец света сейчас уже намного легче.

– Конец света наступит в жизни каждого из нас, – мудро заметил Зауер. – Естественно твоя задача – превратить эту историю в анекдот, в забавную ерунду без намеков и недомолвок.

– Я понял.

– И без галок, – ласково добавил Калик.

– Можешь, кстати, не спешить, – Зауер сделал красноречивый жест, означающий, что с деньгами по-прежнему туго.

Евгений понимающе вздохнул и, откланявшись, покинул кабинет, который любил и терпеть не мог одновременно. От нечего делать он медленными шагами двинулся вверх по улице, затем свернул на Пречистенский бульвар.

Ему было не весело и не грустно, а как-то по обыденному тревожно-серо. В голову лезла одна единственная навязчивая мысль, преследовавшая его уже много лет, словно отвратительный паразит. Нет... Скорее это был целый клубок разнообразных мрачных и едких размышлений. Со временем они сплелись настолько плотно, что уже не являлись по одиночке и нападали все разом, подобно семи головам мифической гидры.

Сквозь тонкие, как белая льняная простынь, облака нежно проглядывало невидимое солнце. Деревья, совсем недав-

но поражавшие красотой своих махристых белоснежных ветвей, теперь снова выглядели нищими и жалкими. Комьями намокшей пудры осыпался с них последний снег.

В конце бульвара, сотрясая воздух на сотни метров вокруг, бодро грохотал военный оркестр. Музыканты в серых с иголки шинелях и фуражках всячески разгоняли декабрьскую скуку, шваркая тарелками, громогласно трубя и колотя в белый барабан. Пышноусый дирижер неистово размахивал руками, отдавая команды на своем волшебном языке.

Непонятно почему Евгению вдруг стало их невыносимо, болезненно жаль. Не самих музыкантов и не тех, кто их слушал (отдельные люди уже редко пробуждали в нем сентиментальные чувства). Скорее ему было жаль всю эту праздничную обстановку, слишком напоминавшую те беззаботные, счастливые дни, которые больше никогда не вернуться.

Под монументом двое малолетних реалистов забавлялись тем, что смотрели в бумажную трубку мимо своих ладоней. Евгений знал этот нехитрый оптический фокус с «дырявой рукой». Пожилая бонна, устало ворча, поднимала и отряхивала упавшего в грязь малыша.

«Что в головах у этих людей? Как могут они жить так, словно ничего не происходит?» – думал Евгений, оглядываясь кругом. – «Либо все они первоклассные лицедеи, либо я и правда сошел с ума...»

Он поймал извозчика и пополз в низких санях к себе домой, глядя в небо и слушая проносившийся мимо стук копыт

и гул трамвайных колес.

Жилище Евгения представляло собой одну большую, как попало обставленную комнату, которую он снимал на присылаемые отцом деньги. Родители Евгения давно разошлись. Мать, будучи полячкой, проживала в Кракове, с начала войны поддерживать с нею связь стало практически невозможно. Евгений мало тосковал по ней. Отец жил в Твери, где содержал трактир с гордым именем «Кутузов» и молодую любовницу. Он помогал Евгению деньгами, пока тот учился. При этом каждую такую посылку сопровождал укоризненным письмом, мол пора, сыне, встать уже на ноги и самому начать зарабатывать на хлеб. Этим Евгений и занимался, правда без особого азарта: давал частные уроки французского и английского, писал стихи для сатирического журнала. Похвастаться последним он, однако, не мог, по той причине, что отец, будучи глубоким патриотом и монархистом тут же проклял бы Евгения, узнав, что тот связался с «либеральной швалью». Лакеями Запада и врагами отечества, отец с легкой руки считал и тех, кто открыто призывал к свержению царя, и тех, кто писал в его адрес всякие смешные и, с точки зрения цивилизованного человека, безобидные вещицы.

Придя домой, Евгений полистал Римское право, полежал бессмысленно на диване с папиросой в зубах, разорвал и выбросил «Голубятню», ставшую вдруг ему невыносимо противной: дешево, бездарно, пошло – точь-в-точь, как у всяких доморощенных писак из «Будильников» и «Стрекоз».

В три часа он пообедал и, выйдя из дома, зашагал в сторону Спиридоньевской, щурясь от пощечин ветра. Снег уже превратился в серую кашу. Мерзко орали вороны. Громкая колокольня с крохотным потускневшим куполом, казалось, подпирала крестом густеющие облака.

Евгений остановился и посмотрел на церковь. Ему захотелось войти. Не потому что он был набожен, и не потому что ему было в чем раскаивался. Едва ли он сам мог ответить на этот вопрос. Он посторонился сгрудившихся у ворот и тянущих черные руки нищих и, отворив тяжелую дверь, вошел в сонный и в тоже время насыщенный какой-то едва ощутимой мощью полумрак.

Сотни свечей тревожно шевелили нежными, как крылья мотыльков, язычками, отражаясь в золоте помертвевших от времени, и от того лишь преумноживших свое скорбное великолепие, икон. Запах ладана очищал сердце и мысли.

Евгений не стал молиться, он только зажег свечу и попросил Бога наконец объяснить ему: «Зачем?» Не библейского Бога, а Бога вообще: своего, личного. Сквозь полумрак на него смотрели неживые и в то же время как будто знающие обо всем, пронизывающие разум потоками света, глаза. Ему становилось легче, но совсем не так, как в тот первый день, когда он начал лечить свои терзания походами в церковь. Освобождения не было, была лишь его мимолетная, все больше отдающая самообманом иллюзия.

Высокий, до странности худой священник полушепотом

объяснял что-то заплаканной старухе, вытирающей нос платком. Пещерным эхом разнесся чей-то кашель.

Евгений вышел из ворот церкви. Теперь его путь лежал к источнику тех ничтожных проблесков счастья, ради которых он жил последнее время.

Аня

Глуповато-улыбчивая горничная повесила шинель и фуражку Евгения на раскидистую, точно пальма вешалку. Евгений благодарно кивнул и по давно знакомому, пахнущему духами коридору с замиранием сердца прошел в полутемную, освещенную лишь таинственным зеленым ночником спальню, где шевелились и шептались знакомые тени.

Она возвышалась на фоне серого зашторенного окна, сидя по-турецки на стуле, босая, в атласных вишневых одеяниях, сшитых на восточный манер из обычной портьеры. Коротко подстриженные волосы и до забавности подвижные, мягкие черты лица придавали ей нежно-мальчишковатый вид.

В этот вечер невероятная подруга Евгения Аня Жужина собрала у себя все, чем могла похвастаться юная, увядающая в своих бесконечных поисках и метаниях, пишущая, поющая, бездельничающая и страдающая Москва.

Здесь была поэтесса Леля Августинова, чьи стихи были так же непостижимы, необъятны и бессмысленны, как сама вселенная, художница Мария Вранек, она же Изабелла, уже

давно считавшая жизнь отвратительным испытанием и посвятившая этому все свое творчество, ядовито-мрачный, погрязший в сарказме карикатурист Максим Вигман, балерина Дарья Залевская, она же Найра, отличавшаяся поистине кошачьей самодостаточностью, доходящей до беспардонного эгоцентризма, Ник Бочаров – поэт-футурист, циник и весельчак, громоздивший свои стихи, точно пирамиды железного лома: чем уродливей, тем лучше, актер и певец Илья Головин, настолько близкий к народу, что предпочитал грубую крестьянскую рубаху любым модным нарядам, а также болезненно-изысканная с кокаиновым блеском в глазах гедонистка Альцина Броева, любившая гадать на картах и общаться с мертвыми.

Леля пела о Рыцаре печального образа, самозабвенно перебирая струны полосатой как арбуз испанской лютни. Барышни, словно забывшись дремой, плыли, подхваченные течением песни, и почти не заметили вошедшего Евгения. Лишь Аня удостоила его одной из миллиона своих ясных улыбок. Ник вскочил со стула и, как всегда бодро поздоровавшись, энергично стиснул руку. Мария, Илья и Максим отделалась кивками. Дарья и Альцина пребывали в ином мире.

Евгений некоторое время озадаченно искал, куда бы сесть, пока ему не подсунули какую-то крохотную бархатную подушку.

Леля продолжала вещать звенящим меццо-сопрано что-то про битву под стенами Маарры и тень прекрасной Адо-

рии, явившуюся герою в лучах знойного пустынного солнца. Ее неподдельно-скорбный взгляд был устремлен куда-то далеко, в открытую только ей одной действительность.

Когда последняя струна печально отдала свой короткий жалобный звук, Леля медленно опустила лютню на ковер и, словно еще не выйдя из песенного транса, обратила взор на Аню.

– Ты знаешь, все хорошо, – спустя некоторое время сказала Аня, обняв Лелю за плечи. – Только почему ты поешь о нем так, словно он все потерял и погиб? Он же, наоборот, вышел победителем.

– Аничка, ну как же ты не понимаешь! – горестно выдохнула Леля. – Его тело и разум живы, но сердце мертво!

– А я этого не услышала.

– Ну А-аня!

– По-моему, ты слишком увлеклась описанием ужасов битвы, – скромно заметила Мария. – А сама ни разу не прислушалась к своему герою. Не услышала его мольбы, не спустилась к нему с неба.

– Это правда. Для меня твой рыцарь остался неразгаданным, – согласилась Аня.

Леля хмурилась на глазах, как облако, наливающееся дождем.

– А с чего ему открываться перед вами! – то ли с шутливым, то ли с вполне серьезным вызовом вдруг промолвила она.

– О, да, вы же не его Адорьи! Многого хотите! – весело поддержала Дарья, разминая свою идеальную спортивную спину.

Аня, шутя кинула в нее скомканным платком:

– Молчи!

– И все же давай начнем с начала, – она внезапно испытующе заглянула Леле в глаза, будто речь шла о чем-то чрезвычайно важном и даже страшном. – Там, где поется о его бегстве от себя: «От мгливой башни, где одна, она желала избавленья...» Как там дальше... Почему? Объясни, Леля! Он же не невинный Парсифаль, ты сама это не раз подчеркивала. Что же могло так выбить его из седла?

Ник устало поглядел на Евгения и, высунув язык, завел зрачки под верхние веки, показывая, как сильно его dokonало щебетание поэтесс. Евгению тоже было тоскливо, правда еще и по тем причинам, о которых Ник в силу своей натуры вряд ли мог догадываться.

– Я тебе советую: сделай его повеселее!

– Точно! – согласилась Дарья. – Пускай Адория будет лучше всех этих арабских блудниц, которых он встречал в пути...

Обсуждение песни перешло во взаимные дружеские издевки.

– А ты что скажешь, Альцина? – вдруг обратилась Аня к сидевшей в углу и все это время не обронившей ни слова Броевой.

Альцина, как весьма необычная, но далекая от искусства гостья, была в их кругу немного изгоем. Она постоянно глядела то в окно, то на свои перстни, нанизанные на каждый палец обеих рук. У нее было маленькое бледное лицо, которое можно было бы назвать симпатичным, если б не страшный загробный взгляд из-под тяжелых век и не торчащие жутковатой копной волосы, в которые несмотря на юный возраст уже закралась седина.

– Великолепно! – отрезала та совершенно равнодушным тоном.

– А что думают наши господа?

Господа один за другим стали разводить руками и расплываться в глупых улыбках. Расстраивать белокурую красавицу Лелю не смел никто.

Илья начал тихо и незатейливо тренькать что-то на балалайке, наполняя комнату простой истинно русской душевностью.

– Мне сегодня приснился такой сон! – неожиданно объявила Дарья, откидываясь на спинку стула и вытягивая вверх крепкие, как канаты руки. – Мне снилось, будто я приехала выступать в театр, начинаю переодеваться и вижу, что вместо ног у меня выросли две огромные, страшные куриные лапы!

Ник прыснул в рукав. Аня притворно задохнулась, вытаращив глаза.

– И как? Удачно станцевала? – насмешливо спросил Максим, кривя в ужимке свое некрасивое лошадиное лицо.

– Нет! Я искала, где мне спрятаться!

– Да ладно! Куриные лапы – прекрасная творческая находка! Всем нормальным мужчинам уже давно осточертели эти малюсенькие белоснежные ноженьки, похожие на соломинки – тьфу! Публика хочет чего-то неожиданного, дерзкого. Поглядите, с какой бешеной скоростью меняются и насыщаются наши аппетиты! Филе из лягушки, наркотики, футуризм, великая война – остался только балет на прекрасных куриных ногах!

– Не трожь футуристов! – рявкнул на него Ник.

– Хотя, да, – весело согласился он. – Думаю, от желающих облобызать твои чудные ножки по выходу из театра не было бы отбоя!

Дарья в шутливом отвращении сморщила нос.

В комнату, шепча извинения, вошла горничная. В руках она держала поднос, на котором стояли, вздымая пар, крошечные чашечки, пузатая сахарница со щипцами и блюдце конфет.

С величайшей осторожностью и все равно ошпаривая рот, Евгений пригубил совершенно черный и невероятно душистый чай.

«Что за дикость – подавать кипяток!»

Кукушка, показав клюв из настенных часов, прокуковала шесть.

– Ну-с, – Ник внезапно поднялся со стула. – Настало время всем отведать моей писанины!

– Что-то страшное грядет! – покачала головой Аня.

– Еще какое страшное! Плащ! – он принялся спешно оглядываться кругом. – Мне жизненно нужен плащ или хотя бы мантия! Срочно!

Мария передала ему шерстяной плед, который Ник, благодарно кивнув, ловко завязал у себя на шее, и в таком виде, изображая суровую задумчивость, медленно вышел в середину комнаты.

– Кхм-кхм! Им гроссен унд ганцен... Как-то раз потерял земной шар и экватор, и ось. Бог-диктатор, как повелось, лучше нас знает, как нам на шарике жить. Чтоб вопрос разрешить приказал он своим прихвостням, ти-хость нам привить посредством плетей и кнута...

Евгений апатично слушал эту уводящую в тартарары околесицу. Когда Ник наконец закончил и, для пущей убедительности сожрав вместе с оберткой конфету, вернулся на свое место, Евгений почувствовал, что внимание публики переходит к нему.

– А у тебя с собой есть что почитать? – мягко спросила Аня.

У Евгения действительно было, что почитать. Пару недель назад он написал очень искренний и красивый стих, рассказывающий о некоем безжалостном кукловоде, управляющем человеческой жизнью. Стих этот, однако, так бесстыдно обнажал его слабость и страхи, что читать его было немного совестно.

– Нет, – ответил Евгений.

Он глядел на Аню, в ее веселые черные глаза и в который раз сознавал, насколько они далеки. Она и правда жила в каком-то другом, лучшем мире. В мире, где не было ни политики, ни войн, ни либералов, ни черносотенцев, где немцы были такими же людьми, только к тому же философами и композиторами. Ее не тревожило положение на фронте. Ее не пугала чехарда министров по наущению пьяного монаха. Ей были неведомы темные слухи, бродившие вокруг Гучкова и Родзянко. Евгений любил ее. Наверно. Впрочем, за годы дружбы он хорошо усвоил, как тесно соседствовали в ней детская непосредственность и житейская мудрость с совершенно недетской прямолинейностью и даже порой не совсем женским цинизмом. Это проступало даже в ее стихах, которые к слову были просто великолепны.

Стоило признать, что и другие гости явно не жили с Евгением в одной вселенной или, по крайней мере, умели из нее вовремя выбираться. Ни у кого из них не было таких прямых, сведенных бровей, украшающих высокий лоб скорбными морщинами. Никто из них не умел так вымученно улыбаться и так безнадежно-затравленно устремлять куда-то погасший взгляд.

– Жаль! – сказала Аня, скрестив пальцы и задумчиво глядя сквозь них. – Альцина, а что бы ты могла рассказать нового о своей жизни? Как проходят путешествия в астрал?

Альцина улыбнулась и сделала туманный жест, тихо звяк-

нув кольцами.

– Ну? – продолжила Аня с ироничным и в то же время неподдельным любопытством.

– Я видела кое-что.

– И что же?

– Как мы все умрем.

– Фу! – воскликнула Дарья.

– Да уж такие вещи лучше сохранять в тайне, – снисходительно улыбнулась Аня. – Зачем отравлять себе остаток жизни и лишать смерть удовольствия преподнести нам сюрприз.

Она уже собиралась отвести разговор подальше от зловещей темы...

– А что, мне очень интересно! Ну-ка просвети меня, когда и как я умру! – потребовал Ник, у которого от этой новости в глазах загорелась крохотная, вполне отчетливая безуминка.

Альцина равнодушно пожала плечами, ни на йоту не изменив свой страшный взгляд.

– Ты умрешь через год от выстрела в затылок.

– Ого! – заорал Ник едва ли не с восторгом. – Вы слышали! Черт, вот это да! Даже не в кораблекрушении! Выстрел в затылок – хо-хо! Но все одно, лучше, чем от старости!

Он принялся шутить, требуя сейчас же принести ему пистолет, чтобы не подводить Альцину. Никто, однако, не засмеялся.

– Тебе об этом нашептал господин Кокш? – с издевательской усмешкой спросил Альцину Максим. – Или мсье Мор-

фиус?

– Страшно? – оскалилась та.

– Ни капли. Можешь рассказать мне, как я умру.

– Тебя убьют через двадцать пять лет в Царицыне.

– Ну вот и все, – осклабился Максим, хлопнув в ладоши. –

Благодаря тебе я никогда в жизни ни за что не поеду в Царицын. Даже если меня там ждет любовь или миллион рублей.

– Судьбу не перехитришь.

– Да ну!

– А я? – ни с того ни с сего спросила Аня с каким-то детским спокойствием.

Внутри у Евгения что-то дернулось.

– Что меня ждет?

– Жизнь в Греции и тихая смерть в восемьдесят семь лет.

Аня шутливо зааплодировала, как будто выиграла в лотерею небольшую сумму денег.

– Везет же! – проворчал Ник.

Леле и Илье тоже повезло, хотя и не так сильно.

– А что же наша прорицательница? – процедила Мария, глядя на Альцину с нескрываемой злостью и страхом. – Когда сама собираешься на тот свет?

– Мне плевать, – Альцина равнодушно закрыла глаза и утонула в кресле. Со всех сторон в нее летели саркастичные шуточки и упреки, разбиваясь о каменную стену искреннего безразличия.

Никто по-настоящему не верил этой полусумасшедшей

бестии. Многие смеялись, но настроение дружеской встречи, кажется, было убито на корню.

– Я хочу, чтобы она никогда, никогда больше не переступала порог твоей квартиры! – донесся до уха Евгения гневный шепот Марии, когда та надевала в холле пальто.

Аня пыталась что-то возразить.

В этот вечер Евгений не позволил себе узнать, как и когда закончит свою жизнь. Было ли это малодушие или мудрость, он так и не решил, но общаться на эту тему с Альциной ему не хотелось. Да и на другие темы тоже.

Доктор Беннетт

Кабинет психолога доктора Беннетта, об услугах которого Евгений случайно узнал из объявления в газете, представлял собой внушительных размеров домашнюю библиотеку, в конце которой, на фоне арочного окна стоял широкий, отполированный до стеклянной гладкости письменный стол и два туго обитых кожей кресла: для хозяина и для посетителя. Мягкий ковер непривычно и приятно пружинил под ногами, словно болотный мох. В тяжелых, цвета горького шоколада шкафах таинственно поблескивало золото дорогих переплетов, многие из которых, судя по названиям, имели английское и немецкое происхождение. В целом комната производила настолько весомое и при том уютное впечатление, что Евгению на миг почудилось, будто, переступив порог, он

очутился в какой-то другой, далекой, но очень близкой его сердцу стране, где в глубине души мечтал бы родиться.

Доктор Беннетт обладал приятной, даже, пожалуй, слегка приторной наружностью. Невозможно было сказать наверняка, сколько ему лет: пятьдесят или шестьдесят пять. Несмотря на то, что его густые волосы были седые, как мех горноста, полнота и свежесть лица придавали доктору очень моложавый вид, который немного лишь портили дряблые старческие веки. Как и у многих западных европейцев его лицо было несколько вытянуто, но сохраняло симметрию черт. А глаза... Евгений не мог объяснить себе, в чем тут фокус. Небесно-голубые глаза доктора были до того ясны и беззаботны, что сам их взгляд казался Евгению каким-то попусторонним. Эти удивительные, теплые и в то же время пустые глаза человека из другого мира, напрочь лишённые русской пасмурной дремучести, выражающие мысль, но мысль не бесплодную, а четко направленную на достижение задуманной цели.

Доктор Беннетт искренне улыбнулся, обнажив ряд ровных белых зубов.

– Присаживайтесь.

Евгений стянул рот в жалкое подобие улыбки и опустился в кресло.

– Я к вашим услугам, – продолжал доктор без намека на акцент.

Евгений заметил, что улыбка моментально сошла с его

губ, как только он различил на лице своего посетителя маску уныния. Теперь Беннетт сам выглядел серьезным и вроде бы даже настороженным.

Евгению стало неловко. Он попытался заговорить, но язык словно онемел, а мысли спутались в клубок.

«Еще пара секунд и я буду выглядеть идиотом!»

– Давайте познакомимся, – мягко начал доктор. – Вы, должно быть, уже знаете мое имя.

– Да, конечно... извините. Меня зовут Евгений.

– Очень приятно. Расслабьтесь, Евгений. Расскажите мне о себе то, что считаете нужным. Я вижу, что у вас есть груз, которым необходимо поделиться.

– Да...

– С вашего позволения, я буду иногда прерывать вас, чтобы делать пометки в блокноте, а также задавать уточняющие вопросы, чтобы лучше понять вашу проблему. Все, что вы здесь расскажете останется между нами. Вам ни в коем случае не стоит опасаться огласки.

Евгений не без зависти отметил, что доктор великолепно владеет русским. Лишь книжное совершенство, к которому он пытался привести каждую фразу, выдавало в нем иностранца.

«А еще говорят, англичане ленивы в изучении языков», – подумал Евгений, ощущая собственную лингвистическую серость. – «Быть может, он заранее подготовил фразы?»

– Постарайтесь доверять мне, – продолжал доктор. – Ни-

что в нашем разговоре не имеет такого значения, как ваша искренность. Мне важно понять не только то, как вы ощущаете свою проблему, но и то, какой вы представляете себе помощь с моей стороны.

Евгений вздохнул. Ему совсем не хотелось открываться перед этим милым, но совершенно чужим человеком. Что он мог ему рассказать? Поведать о своем тусклом детстве, постоянных переездах из города в город в результате отцовских авантюр, о ежедневных ссорах между родителями? Или рассказать о гимназии, которую терпеть не мог, хотя и любил учиться? О том, как за свои ничтожные двадцать лет смог убедиться, что живет в сумасшедшем мире, в страшной стране, в неправильную эпоху? Да, пожалуй, этим последним поделиться стоило.

Доктор слушал внимательно, не позволяя себе даже моргнуть, понимающе кивал и аккуратно перефразировал, мельком чиркая что-то в записной книжке.

– Извините, вы сказали, что ваш отец глубокий и убежденный монархист, – Беннетт внезапно прервал Евгения. – Но прежде, по вашим словам, он не желал даже слышать имя царя.

– Да. Десять лет назад, когда мы проиграли войну Японии, он плевался и говорил: «пусть его свергают». А с началом этой войны снова воспылал к нему любовью.

– О да, теперь я понимаю. Метания сердца...

Евгений вдруг отчетливо понял, каким доктору представ-

ляется его отец: небритый мужик с дикими, вытарашенными в погоне за очередной пьяной иллюзией глазами – персонаж великой и ужасной русской литературы, которую так любят на Западе.

Как ни странно, разговор, в котором доктор почти не участвовал, и который больше походил на монолог Евгения, сам по себе оказывал на него расслабляющее действие. Он чувствовал, что с каждой минутой все легче перешагивает через внутренние барьеры и уже спокойно рассказывал доктору то, чего в начале беседы не собирался и касаться. Он даже неожиданно для себя прочитал свой последний истеричный стих.

В какой-то момент доктор Беннетт отложил перо и внимательно поглядел в глаза Евгения с тем же видом, с каким рыбак смотрит на дергающийся в воде поплавок.

– Итак... могу ли я предположить, что ваша тревога – это фактически страх перед жизнью?

Евгений неуверенно вздохнул и всплеснул руками.

– И этот страх имеет три основных источника. Первый, – доктор загнул палец. – Вам кажется, что окружающая реальность слишком абсурдна, чтобы быть реальной. Вы недоумеваете, почему существует такое явление, как смерть, как с ним вообще можно мириться и почему все мирятся. Вы не можете понять, как человек, способный мыслить и творить великие вещи, умирает подобно самому ничтожному насекомому, и почему какая-то безмозглая рыба, плавающая в

океане, проживет дольше нас с вами. Сама идея того, что земля под вашими ногами – это огромный шар, вертящийся в бесконечном космическом пространстве, вызывает у вас оторопь. Ведь с точки зрения вашего жизненного опыта это абсурд.

Евгений кивнул.

– Далее, – доктор загнул второй палец. – Вам не дает покоя мысль, что, существуя в абсурдной вселенной, вы еще к тому же ухитрились родиться в самой абсурдной и трагичной стране, напоминающей, как вы выразились, огромный Бедлам. Причем вы родились в эпоху, когда на плечи этой страны одно за другим ложатся тяжкие испытания.

– Не только моей страны, – смущенно проговорил Евгений. – Я отдаю себе отчет, как сильно сейчас страдает ваш народ и вся Европа.

– О да... – доктор закивал, скорбно прикрыв свои лучезарные глаза. – Это омерзительная война! Я бы назвал ее позором белой половины человечества. Но, тем не менее, вы верите, что ваша страна (я ее тоже с некоторых пор считаю своей) стоит на пороге чего-то несравнимо более страшного, чем все ужасы, которые могут выпасть на долю Британии или, например, Германии.

– Да.

– Признаться, я не разделяю вашего пессимизма, – внезапно заявил доктор.

– Не разделяете?

– Совершенно, – Беннетт мудро улыбнулся, и в его взгляде впервые блеснул бодрый цинизм. – Русский народ очень юн. Тем не менее я чувствую, что именно эта война станет решающей ступенью в его взрослении. То, что отбрасывает Европу назад, вероятно поможет России пройти мучительный рубеж своего психологического развития.

«Неужели славянофил?» – с удивлением подумал Евгений. – «Или притворяется...»

– В либеральном журнале, где вы работаете, вам приходится слышать противоположное, верно?

– Абсолютно.

– Я понимаю вас. С одной стороны, дикое стадо патриотов, у которого тяга к разрушению и убийству давно вытеснила все светлые чувства к родине, с другой – люди, чье отношение с собственной стране, как повелось в России, колеблется между равнодушием и почти что ненавистью. И те, и другие кажутся вам чудовищами, съедающими нацию с двух концов.

– Я привык к этому, – в который раз вздохнул Евгений, пожав плечами.

– Ну и третье, – доктор Беннетт вернулся к прежней теме, словно и не уходил от нее. – Еще одним, наверно самым таинственным источником вашего страха перед реальностью являетесь вы сами, ваше мироощущение. Вы опасаетесь, что ваш субъективный взгляд на мир единственно правильный. Ведь если так, то жизнь – это один беспросветный ад, из ко-

того нет выхода. Вы даже допускаете, что сами создаете и контролируете эту реальность и против своей воли, словно проигрывая чей-то злой сценарий, ведете к мучительно-му разрушению и ее, и себя. По вашему признанию, вас настораживает то, что вы вообще до сих пор живы. Что вас не убил отвалившийся от карниза кирпич и не переехала повозка. Следовательно, ваша жизнь имеет смысл и цель, но, не понимая этой цели, вы допускаете, что единственный ее смысл – драматичное саморазрушение, постепенный спуск в девятый круг ада.

– Вы прочитали мои мысли, – тихо произнес Евгений, чувствуя ни то облегчение, ни то стыд.

Прежде никто еще не забирался с таким хирургическим профессионализмом в недра его души.

– Я просто резюмирую все, что услышал от вас, – скромно улыбнулся доктор. – Вы не верите в доброго бога, потому что видите, что мир наполнен злом. Но, насколько я могу судить, в бога-садиста вы тоже не верите: это было бы слишком просто. Для вас бог – это именно тот неведомый и коварный автор, написавший сценарий, по которому идет ваша жизнь и жизнь мира вокруг. И что задумал этот автор, какой он уготовил конец, окутано пугающей неизвестностью.

Евгений грустно пожал плечами.

– Вы пишете стихи. Стих, который вы прочитали, поведал мне о вас, пожалуй, больше, чем вся ваша исповедь. В каком возрасте вы начали писать?

– В семь лет.

– М-м... Скажите, а в строках «Буду жить кукловоду назло» (если я правильно их помню), на что бы вы сделали акцент: на слово «жить» или на слово «назло»?

– Разве это важно? – спросил Евгений, подняв брови.

– О да. Если вы собираетесь только «жить», это значит, что вы ставите перед собой задачу сохранить себя, несмотря на все гадости и ужасы, которые неизбежно обрушит вам на голову проклятый «кукловод». Если же вы намерены жить ему «назло», это значит, что вы отказываетесь исполнять роль, которую он вам уготовил. Вы разрываете с ним контракт и начинаете вести себя, как вам заблагорассудится, плюя на его правила.

– Я не совсем понимаю вашу метафору.

– Вы человек, который живет строго по нравственным законам. Вы так воспитаны. И это хорошо. Но, где-то в глубине души вы чувствуете, что именно такая жизнь делает вас совершенно беспомощным, превращает в раба. Вы видите, что реальность, которая становится все более жестокой и подлой (вы еще вырастаете, не забывайте об этом) располагает к совершенно другому, чуждому вам поведению. Вы чувствуете себя... в западне.

Евгений смиренно поджал губу.

– Послушайте, – доктор наклонился и, скрестив пальцы, заговорил вкрадчивым полушепотом, загадочно глядя из-под бровей в глаза Евгения. – Все плохое рано или поздно

заканчивается. Вы можете мне не верить, но я скажу то, в чем глубоко убежден: эта война продлится еще год или полтора года. Она закончится. Вопрос в том, сколько душевных сил она успеет высосать из вас.

Евгению хотелось в это поверить. Пусть даже ничего особенно оптимистичного в словах доктора не было. Полтора года – ничтожный срок в мирное время. Теперь, когда жизнь менялась к худшему с каждым днем, даже такое пророчество едва ли могло вселять надежду.

– Вы мне можете что-то посоветовать? – мрачно спросил Евгений.

– А что бы вы посоветовали себе сами? Чтобы перехватить инициативу у «кукловода» надо сделать то, чего он никак не ожидает. Верно?

«Неужели он предлагает мне развеяться?» – вдруг подумал Евгений с разочарованием и тоской. В его воображении мигом нарисовался желтеющий в ночи тусклыми окнами дом свиданий и загородный ресторан с белозубым негром-швейцаром, пальмами и цыганами...

Доктор Беннетт молча смотрел на него, задумчиво ощупывая свой гладко выбритый подбородок в ожидании ответа.

– Я не знаю, – промолвил Евгений. – Посоветуйте мне.

– Хм... Мне нелегко брать на себя такую ответственность.

– Я разрешаю.

– Ну что ж... Вы не увлекаетесь женщинами, вы нетерпимы к алкоголю, вам неприятны азартные игры. Ваш ра-

зум требует гораздо более тонких и изысканных наслаждений, которые оторвали бы вас от грязных реалий этого мира. М-м... да! Вы слышали, что-нибудь про Мсье Фантазма?

Евгений покачал головой, хотя, кажется, видел мельком это имя на афишной тумбе.

– Это знаменитый иллюзионист и гипнотизер, недавно приехавший на гастроли в Москву. К сожалению, я знаю о его искусстве чуть больше, чем ничего, но судя по отзывам публики, это что-то невероятное. Попробуйте его посетить.

Евгений улыбнулся, глядя в чистые, как майское небо, глаза доктора Беннетта.

Когда он собирался уходить и уже коснулся позолоченной ручки двери, за спиной прозвучали прощальные слова:

– И помните: я люблю поговорить и выслушать, но я не волшебник. Помочь вам можете только вы сами.

Мсье Фантазм

Евгений трясся в больших, неуклюжих санях, глядя в синюю спину медведеподобного извозчика. Вечерело. Сиреневатым светом наполнялись висящие над улицей матовые шары. Самодовольно сияя золотом, проносились мимо роскошные витрины магазинов и ресторанов Тверской, подсвеченные вывески и высокие окна дорогих квартир. Из мрака то и дело выныривали встречные экипажи, швыряя в лицо какую-то ледяную мерзость. Извозчик неприятно высоким, пе-

вучим голосом подгонял лошадь, точно старался впечатлить Евгения своим мастерством.

– Ездить нонче трудно стало! – вдруг пожаловался он. – У товарища моего третьего дня ахтомобилем кобылу зарезало...

– Да, – промолвил Евгений, не вдаваясь в суть услышанного. – Вы точно поняли, куда меня везти?

– А как же! Обижаете, ваше блаародие!

Уйдя в свои мысли, Евгений не заметил, как в загустевших сумерках его привезли к старому зданию, построенному в весьма оригинальном для Москвы стиле. Острые, угловатые фронтоны с флюгерами и узкие решетчатые окна придавали ему вид ведьминого дома из сказки. Синий снег обволакивал его, застыв морскими волнами посреди двора.

Это был театр сестер Зандаровых, однажды наделавших много шума в богемных кругах своими дикими экспериментами, а через пару лет тихо растворившихся в забвении. О грядущем выступлении всемирно известного Мсье Фантазма говорил лишь невзрачный черно-белый плакат, висящий на дверях. Публики было совсем немного, зато почти вся она съезжалась к воротам театра на лихачах, а кто-то даже в личных экипажах.

– Эфген Цветкофф! – Евгений услышал знакомый голос, хотя не сразу вспомнил, кому он принадлежит.

Вылезающий из саней футурист Ник Бочаров в искрящейся снежинками шубе, дорогом цилиндре, с модной тростью

в руке улыбался широкой нетрезвой улыбкой.

– Ты ли это! Решил послать к черту всю эту оперно-балетную... – он выплюнул непечатное слово, как сливовую кость.

– Привет! Н-да, решил послать.

Ник через плечо дал извозчику десять рублей и, припрыгивая, подошел к Евгению.

– А сам ты что тут делаешь? – спросил Евгений, подавая руку. – Ты ж у нас вроде как футурист, а не мистик.

– Я еще и фантомист, приятель!

– Что это за направление?

Ник раскрыл рот, но вместо слов лишь облизнул нижнюю губу и неопределенно взмахнул рукой.

– Ладно... Ит из ол бош! Но, все-таки, признайся: что тебя толкнуло приехать поглазеть на это бледное чучело? – он кивнул в сторону входа.

– Знакомый посоветовал.

– М-м... И где же этот знакомый?

– Не знаю, – Евгений пожал плечами, чувствуя, что разговор уходит в какие-то дебри. – Он не обещал быть.

– Странно, странно. Впрочем, дело твое. Скажу лишь по секрету (если ты еще не знаешь), половина из тех, кого ты здесь видишь, и я в том числе, приехала сюда не за фокусами, – Ник хитро подмигнул и причмокнул губами, словно намекал на что-то глубоко порочное. – Не за ними. Фокусы – это чепуха для отвода глаз.

– А зачем?

– Узнаешь. Ты мой, можно сказать, друг, так что я от тебя делать секретов не буду. Как только сеанс закончится... А, впрочем, сам увидишь. Пошли!

Они зашли в театр. Сумрак, наполняющий зрительный зал, как и в церкви был словно соткан из некоей волшебной энергии. Правда энергия эта была другого рода: не очищающая. Кроваво-красный шелковый занавес, водопадом сползающий вниз, казалось, пылал изнутри. Неестественно-ярким светом отливал он на фоне темных стен и бордовых бархатных кресел. Под потолком тихо вздрагивали огоньки свечей.

Зал был не настолько велик, чтобы иметь этажи. Ник и Евгений сели в середине третьего ряда. Справа от них весело шушукалась молодая парочка: утопающая в мехах, сверкающая камнями барышня и длинноногий щеголь с козлиной бородкой, которую он постоянно и самодовольно тербил. Слева пожилой человек с густой гривой зачесанных назад волос и трубкой в зубах сосредоточенно глядел на сцену, точно шахматист на вражеские фигуры.

– Мазаев! – едва слышно шепнул Ник, указав глазами на старика.

– Кто?

– Известный фокусник.

– Не спрашивайте меня, как это делается! – рявкнул тот.

Нет ничего слаще нескольких минут томительного ожидания, тянущихся перед зрелищем.

В какой-то миг Евгений заметил, что становится темнее. Это было странно, ведь свечи никто не гасил. В следующую минуту он понял, что это слабеет источник света, спрятанный за занавесом. На фоне темно-багрового пятна, почти растворившегося во мраке, откуда ни возьмись возник человек высокого роста, облаченный в черный, дающий резкие отблески, фрак. Его совершенно лысая, напоминающая череп голова с острыми чертами поражала своей бледностью. Она почти не уступала белизной манишке и перчаткам. Глаза скрывались от публики за непроглядными линзами причудливых черных очков.

Мсье Фантазм, телосложением напоминающий огромного комара, равнодушно обводил публику невидимым взглядом, не произнося ни слова. По мере того, как света становилось все меньше, Евгений вдруг осознал, что перед ним уже не человек, а плавающее во тьме белое лицо над треугольником манишки и маячащие, как белоснежные летучие мыши, кисти рук.

«Вот, что значит искусство!» – восхищенно подумал он.

Из тьмы раздался неизвестно чей высокий, страстный голос:

– Дамы и господа! Дабы никто из вас не усомнился в истинности творящегося на сцене волшебства, Мсье намерен провести сеанс при непосредственном содействии каждого зрителя. Сейчас Мсье выберет одного человека из публики в качестве ассистента для предстоящего фокуса.

Человек-комар вытянул запечатанный в перчатку указательный палец и медленно повел им по головам присутствующих. Казалось, он выбирает, кого бы из них застрелить. Евгению почудилось, что палец смотрит прямо ему в лицо. Нет, это невозможно. Вздор! Когда ты зритель, тебе всегда мерещится, что артист тебя видит.

– Тебя выбрали, вставай! – взволнованно проговорил Ник.

– Меня?! М-может, кого-то сзади?

– Юный господин в серой тужурке, – донесся голос из темноты. – Да, вы! Мсье просит вас пройти на сцену!

Евгений поднялся с места и, боясь споткнуться о чьи-то ноги, спешно выбрался из зрительных рядов к ступенькам сцены.

Вблизи Мсье Фантазм показался ему совершенно нереалистичным, словно сошедший с киноэкрана черно-белый герой фильма. Он даже подумал, что, может, это и есть искусно воспроизведенный человеческий образ, что в этом и состоит главный фокус вечера.

Но нет, перед ним стоял человек из плоти и крови. И лицо его, несмотря на толстый слой пудры и очки, все же явно было обращено к Евгению. Евгений приблизился к иллюзионисту и вдруг увидел в его черных стеклах собственное искаженное отражение. До жути странно.

Мсье Фантазм извлек откуда-то длинную сверкающую шпагу и подал Евгению. Потом расстегнул верхнюю пугови-

цу своего фрака, продемонстрировал нарисованный на белой рубашке крохотный красный крестик. Его острый, тонкий палец требовательно постучал по отметке.

Евгений похолодел. Судя по весу, шпага была самая настоящая: не из крашеного дерева и не из резины.

– Вы хотите...

Иллюзионист покивал с ледяным спокойствием на лице.

Евгений представил, как он, неправильно поняв указание фокусника, пронзает его шпагой насквозь. Окровавленное тело бьется в предсмертных судорогах, в зале крики ужаса. Полиция хватает Евгения и, не желая слышать оправданий, швыряет за решетку.

Фантазм еще раз настойчиво постучал себя туда, где заканчивалась грудь, и начинался живот.

Евгений поднял шпагу и прицелился. У него возникло желание спросить по-французски, правильно ли он все делает, но лицо иллюзиониста уже начинало каменеть от злобного напряжения.

Мысленно молясь всем святым, Евгений шагнул вперед и вонзил шпагу в – он это явственно почувствовал и услышал – мягкую живую плоть.

«Я убил его, мне конец!»

Он без сил выпустил шпагу, и та нелепо повисла, торча из тела Фантазма, и готовая упасть на пол. Фокусник раздраженно подхватил ее и всунул в себя еще глубже, так что острое вышло у него из спины.

Евгений шатался, чувствуя, как застывшая в мозгу кровь вот-вот свалит его в обморок. Фантазм рывком выдернул шпагу, не оставив при том на рубашке даже кровавого следа. Лишь узкая, мертвая шелка, зияющая пустотой.

Евгений вернулся на свое место под грохот оваций. Его мутило все сильнее. Он чувствовал себя соучастником омерзительного действия, вроде публичного насилия, хотя было очевидно, что это всего лишь ловкий трюк.

Без всякого удовольствия, даже с содроганием смотрел он, как Мсье Фантазм входил и выходил из зеркала, заставлял плясать деревянные куклы, загипнотизировал и поджег даму, которая стояла как вкопанная, пока огонь пожирал ее, а потом вернулась на свое место без единого ожога.

– Все проще простого, – весело говорил Ник, когда Мсье Фантазм исчез за кулисами, и публика, восхищенно шепчась, стала подниматься с кресел. – Рукоятка шпаги внутри поляя, лезвие убирается в нее.

– Но я же видел, как шпага вошла ему в грудь...

– Не в грудь! У него под рубашкой мягкий материал, а за ним стальной лист или что-то в этом роде для защиты. А кончик шпаги, торчавший из спины, приводится в действие тайным механизмом.

– Все равно не могу поверить.

– Ты как гимназистка, ей богу!

Евгений хотел возразить, что хруст пронзаемой плоти подделать невозможно, но Ник напомнил ему, что Мсье

Фантазм еще и великий гипнотизер.

Они зашли в буфет, где подкрепились пирожными и выпили по стакану ананасовой воды.

– Пора! – бодро промолвил Ник, взглянув на стрелки карманных часов.

Они вернулись в опустевший зрительный зал. Ник уверенно повел Евгения за кулисы, где среди пыльных декораций и груд реквизита виднелась маленькая, очерченная слабым контуром света дверь.

Евгений думал, что это гримерная, но, войдя, убедился в своей ошибке. Комната была небольшая, заставленная по углам разнообразной утварью не хуже кладовой старьевщика: предметы мебели, стенные часы, даже рассыпающийся в прах старинный клавесин, чьи клавиши были редки и кривы, как зубы во рту извозчика. На столе горела электрическая лампа с рыжеватым бумажным абажуром, похожим на крыло дракона.

На четырех расставленных полукругом стульях сидели два молодых человека и две барышни. Позади них, глядя прямо на вошедших Ника и Евгения, восседал в протертом кресле сам Мсье Фантазм. На нем был все тот же фрак и все те же очки – он и не думал расставаться со своим сценическим образом. Более того, на колене у иллюзиониста, безжизненно свесив тряпичные ноги, разместилась здоровенная кукла в лакейском платье с круглой деревянной головой и отворяющейся зубастой челюстью.

Присутствующие устремили на Евгения любопытные взгляды. Очевидно было, что Ника здесь уже знают.

– А-а, это тот самый юноша, который пронзил Мсье шпагой! – высоким страстным голосом заговорила кукла, хлопая зубами.

В то же время бледное лицо Фантазма сохраняло каменную неподвижность, рот оставался плотно закрыт, вокруг не дрогнул ни один мускул.

– Позвольте узнать ваше имя!

Евгений настолько оторопел, что не мог выдать ни слова. Ум понимал, что перед ним обычный чревовещатель, но сердце вдруг забарабанило так, словно в кресле сидел призрак, вурдалак или что похуже. Будто переступив порог, он провалился в жуткий бредовый сон.

«Так это он с нами разговаривал во время сеанса!» – с ужасом осознал Евгений, помня, что голос тогда шел откуда угодно, только не из уст фокусника.

Ему захотелось бежать. Глядя на говорящую голову и страшно неподвижное лицо Фантазма, Евгений беззвучно дергал губами и зачем-то неосознанно пытался ухватить Ника за рукав.

– Мсье не владеет русским языком. Я его переводчик. Так извольте же наконец представиться, или вы тоже приехали из другой страны?

– Ну давай, чего молчишь! – смущенно проговорил Ник, слегка отстраняясь от Евгения. – Шуток не понимаешь, что

ли?

Евгений, сбросив оцепенение, назвал свое имя. Он вдруг подумал, а скорее даже понадеялся, что Мсье Фантазм засмеется или хотя бы улыбнется, отложит в сторону куклу, снимет очки, за которыми скрываются веселые озорные глаза взрослого ребенка.

Вместо этого белолицый призрак устами деревянного болванчика предложил ему присесть на один из пустующих стульев.

– Все в порядке, он всегда такой, – шепнул Ник, беря себе стул.

«Сумасшедший...» – мысленно продолжил Евгений.

Они сели.

Евгений догадывался, что Ник привел его на сеанс гипноза. Но то, что он увидел превзошло все его ожидания. У ног Евгения прямо на деревянном полу было изображено подобие географической карты, а, может, это было поле для какой-то загадочной игры. Чрезвычайно сложный рисунок, сделанный углем, с извилистыми дорожками, пещерами, рвами, непонятными символами, изображениями фигурок людей и мифических чудищ.

– Вы хотите знать, что это? – игриво спросила кукла, поймав изумленный взгляд Евгения. – Ваша догадка верна, это поле для настольной, а точнее напольной игры, за которой мы намерены убить пару-тройку часов.

– Вы когда-нибудь играли в такие игры? – поинтересова-

лась одна из барышень, кокетливо поглядывая из-под густо накрашенных ресниц и дымя пахитоской в костяном мундштуке. – В Европе это сейчас очень популярно.

Евгений помотал головой, пытаясь вспомнить, какие еще игры он знает кроме шахмат, шашек и восточных нард.

– Это необычная игра, – сказал Ник, многозначительно подняв палец. – Ты удивишься, но четких правил тут как бы и нет.

– А как же тогда играть?

– Хм... поймешь в процессе.

– Мы здесь играем не столько друг с другом, сколько с самой игрой, – вяло объявил молодой человек с бриллиантовой серьгой в ухе и стеклянно-сонными глазами. – Это невозможно описать или объяснить, или постигнуть, это можно только почувствовать.

– Гипноз! – ухмыльнулся Ник.

– Игровое поле – это карта ада, то есть преисподней, – продолжила курящая барышня. – В ходе игры мы, как Данте проходим все девять кругов. Тот, кто сможет, преодолев испытания, добраться до озера Коцит (а это очень сложно, уж поверьте) попадет в рай, где ему откроется все, что лежит за пределами нашей презренной земной жизни.

– Ра-азумеется, не стоит думать, что изобретатель игры по-полностью перенял идеи у Данте, – с важным видом отметил сутулый юноша с конвульсивно дергающимся лицом. – Это скорее со-собираТЕЛЬНЫЙ образ – то, что в разное время

напридумывали всякие по-поэты, философы, бо-огословы. Зато рай... о-о рай тут будет са-амый настоящий!

Последние слова следовало воспринимать как шутку, но никакой улыбки за ними не последовало. Лишь вторая барышня как-то странно, словно против своей воли осклабилась.

– Ну что же, начинаем! – торжественно объявила кукла. – Вы, молодой человек, предпочитаете ознакомиться с игрой в теории или сразу начать с практики?

– Наверно, сразу с практики, – пожал плечами Евгений, не ощущая ни малейшего интереса.

На смену испугу, возникшему в первые секунды знакомства с чокнутым артистом, пришло раздражение и скука. Он никогда не интересовался такими играми, даже шахматы и карты побывали в его руках пять-шесть раз за всю жизнь.

Равнодушно следил Евгений за тем, как игроки передвигали по полу глиняные фигурки с помощью тонких, похожих на маленькие бильярдные кии палочек, переговаривались, используя непонятные термины, обращались за советом к Мсье Фантазму, который вроде бы тоже играл, но без энтузиазма, как взрослый, которого дети упростили поучаствовать в их забаве. Кроме того, он, кажется, исполнял роль арбитра и авторитетного знатока правил, которых в этой игре было великое множество.

В какой-то момент барышня-обладательница мундштука, дернулась и застыла, точно обратившись в статую. Мунд-

штук вывалился из ее неподвижных губ.

– Началось! – усмехнулся господин с серьгой

Мсье Фантазм привстал с кресла и внимательно посмотрел в неподвижные глаза девушки своими зеркально-черным линзами.

– Мадмуазель Кранц похищена демоном! – объявила кукла. – У кого-нибудь есть желание спасти ее?

Из замороженного состояния тело барышни вдруг перешло в мелкую, пугающую своей противоестественностью дрожь, словно сквозь него пропустили электричество. Евгений заметил, что ее чуть ожившие глаза горят ужасом и одновременно... счастьем.

– Я, пожалуй, попробую, – лениво промолвил Ник. – У меня в запасе еще пять ходов.

Евгений встал и сухо откланялся.

– Мне пора, извините. До свидания!

Ник недоуменно вытянул лицо, но возражать не стал и лишь махнул на прощание рукой.

Евгений вышел из комнаты в полумрак, оставив своего друга спасать мадмуазель от демонов в компании всезнающей куклы. Ему было мерзко.

Вернувшись домой, Евгений почистил зубы и, застелив диван, лег спать, хотя час был еще не самый поздний и было время повторить немецкий.

«Все равно я вас уважаю, мистер Беннетт!» – прошептал он, глядя в высокий, окутанный мглой потолок.

Сон не шел. Из-за стены до слуха Евгения доносились еле слышные голоса соседей. Точнее соседки, с которой хрипло разговаривал неизвестный мужчина.

– Я ему говорю: «Я за отечество жизнь отдам, а не за ваши кресты!» А он мне... – гость ушел в глухое, невнятное бормотание, видимо будучи сильно пьян. – Вошь беломундирная! Шпак драный! А я его, когда обстрел начался... я его вот этими руками... за глотку р-раз, как гуся!

– Петенька, – простонала соседка дрожащим голосом. – Как же...

– А он трепыхаться... «Страшно?» – спрашиваю. – «Страшно, вашебродие?»

– Тише! Что ж ты такое говоришь... А услышит кто?

– А мне плевать!

– И что?

– А ничего! Придушил. Народ весь свой, никто не выдаст.

Она начала что-то горячо ему шептать, то и дело всхлипывая.

– Успокойся, – мрачно проговорил он. – Успокойся, сказал! Ничего не было! Эта тварь... никто о нем вспомнит! Там сейчас не то что год назад. Пополнение идет – одна сволочь и уголовники, по ромам видно. Думаешь, они воевать будут, хе-хе... Скоро там такое начнется!

Евгений слушал, чувствуя, как в груди останавливается и замерзает сердце.

– А я не вернусь туда, шиш! Чтоб меня как крысу в под-

вале газом – не-ет, гниды...

Евгений почувствовал, как его лицо наливается тяжестью, превращаясь в свинцовую маску. Он заплакал тихо и горько, не разжимая век и яростно скаля зубы, точно ему самому выжигало хлором глаза. Раскаяние и стыд за свою ничтожную, бесславную жизнь, лютая ненависть к ним ко всем: и к царю, и к правительству, и к Зауеру и ему подобным, и к этому пьяному мерзавцу за стеной, который (уже по голосу ясно) растерял все человеческое.

– Идиоты! – шептал Евгений, скрипя зубами. – Скоты!

Когда слез больше не осталось, и катарсис был пройден, он зарылся в измятую подушку и скоро уснул, вопреки забитому от притока слизи носу и продолжающим сочиться сквозь стену гнусным откровениям.

Сон

Он сидел в том же самом зрительном зале, на том же самом месте. Правда на этот раз занавес был поднят, а сцена освещена. Слева от него сидел доктор Беннетт, справа – Мсье Фантазм. Других зрителей Евгений не видел, быть может, их и вовсе не было.

На сцену плавными невесомыми шагами, колыхаясь, вышел Пьеро. Не актер, но деревянная кукла, сделанная в человеческий рост. Это несомненно была марионетка – Евгений видел тянущиеся от ее конечностей вверх нити, толстые, как

телефонные кабели. Какая сила могла за них дергать, осталось загадкой.

Грустно откланявшись, Пьеро принялся рассказывать то-неньким певучим голоском историю своей жизни. История была, как и положено, печальная, правда тема несчастной любви в ней отчего-то почти не фигурировала. Ее скорее даже можно было назвать унылой, если не нудной, несмотря на искреннюю боль, звучавшую в голосе рассказчика. По ходу повествования на сцене одна за другой появлялись другие куклы. Вместе они разыгрывали эпизоды из жизни Пьеро, дополняли его рассказ замечаниями, иногда возражали и даже вступали с рассказчиком в шуточные перепалки. Чем дальше шла история, тем пародийнее становилась манера их игры, тем хлестче и циничнее звучали замечания. В конце концов, от всего этого стало отдавать явным фарсом. Даже сам Пьеро, как будто потихоньку начал менять маску, исподволь глумясь над своим лирическим героем: постоянно прибегал к трагическим жестам, комично заламывал руки, срывался на крик. Ему это не составляло труда, ведь он был простой актер, рассказывающий вымышленный сюжет. Или не такой уж и вымышленный?

Евгений заметил, что доктор Беннетт время от времени мельком поглядывает на него. Небесные глаза доктора были полны ласкового, снисходительного презрения, на тонких губах поигрывала усмешка, которую он тщательно пытался подавить.

Евгений хотел спросить, что все это значит, но доктор приложил палец к губам и с хитро-озорной улыбкой указал на сцену: дескать, смотри, сейчас начнется самое интересное. Он глядел на Евгения так, словно рядом с ним сидел четырехлетний малыш, которого он привел на кукольный спектакль.

– Я все потерял, мне незачем жить! – хныкал Пьеро, ломая пальчики. – Кто издевается надо мной?!

«Кто издевается надо мной?!» – Евгений содрогнулся, вспомнив, что эта фраза принадлежит ему самому. Он выкрикнул ее в припадке отчаяния, когда был дома один.

Куклы затеяли новую перепалку. Пьеро ахал, делал вид, что вот-вот лишится чувств. Арлекин нагло передразнивал его.

Чувствуя, как на смену смутной тревоге лихорадкой подкатывает негодование, Евгений перевел взгляд на Мсье Фантазма и заметил, что и тот уже косится своими стеклами в его сторону. На прежде неподвижном лице иллюзиониста проступала зловещая усмешка.

Доктор и фокусник обменивались взглядами, как старые знакомые и даже мимолетно общались с помощью жестов и движений губ. Это было невыносимо.

Куклы на сцене уже открыто проигрывали эпизоды из жизни Евгения, причем делали это с откровенной злостью и безобразным паясничаньем. В какой-то миг до Евгения дошло, что и куклы, и доктор, и Мсье Фантазм действуют за-

Одно.

Евгений вскочил на ноги, задыхаясь от гнева.

– Клевета! – заорал он. – Немедленно прекратить!

Наступила гробовая тишина. Актеры и зрители в фальшивом недоумении уставились на Евгения.

– Это все ложь... – запинаясь заговорил Евгений. – Да как вы смеете! Я... я совсем не такой.

– Позвольте, – испуганно произнес доктор Беннетт. – Неужели вы думаете, что кто-то здесь желает вам зла?

Он поднялся с места и положил руку Евгению на плечо.

– Да, вы не ошиблись, решив, что пьеса от начала до конца посвящена вам. Но разве можно принимать глупый розыгрыш так близко к сердцу?

– Розыгрыш?! Меня изображают злобным эгоистом с искалеченной душой! Будто я всех ненавижу!

– Сударь, спектакль – это всегда в той или иной степени буффонада, – улыбнулся Пьеро, который уже давно из марионетки превратился в настоящего человека. – Мы лишь несколько утрировали степень вашей эмоциональности, как этого требует искусство.

– По какому праву?! – вскричал Евгений, топнув ногой. – По какому праву вы заявляете, что я ненавижу людей и очерняете меня в глазах... в моих глазах!

Пьеро откашлялся и как бы случайно зачитал строки, написанные Евгением пару лет назад.

– Хватит! – взвизгнул Евгений. – Я писал этот стих для

себя! Я не собирался читать его на публике!

– Вы собирались! – ехидно покачал пальцем Арлекин. – Еще как собирались! Хотели плюнуть в лицо своим друзьям, за то, что они вас не ценят. Вас тогда спасла чистая случайность.

– И что?

– У вас злая душа.

– Вы не смеете копаться в моей душе!

Евгений чувствовал, что ведет себя постыдно и нелепо, но состояние сна было сродни действию алкоголя. Он даже попытался выбраться на сцену, чтобы поговорить с этими насмешниками лицом к лицу. Доктор Беннетт мягко придержал его.

– Вы не понимаете, каково мне жить! – сквозь зубы прорычал Евгений, отдергивая руку.

– А чего же тут понимать? – вздохнул Пьеро. – Все просто. В безумном и страшном мире, в безумной и страшной стране, в безумной и страшной семье в безумную и страшную эпоху родились...

– Безумный и страшный... – продолжил за него Арлекин и тут же шутливо осекся.

– Прекрасный и талантливый «Вы».

– Вам родиться бы лет на сто пораньше, – проникновенно и задумчиво промолвила Коломбина, все это время разглядывавшая себя в карманное зеркальце. – Когда вчера, сегодня и завтра было одно и то же. Жить в усадьбе, просыпать-

ся под пение жаворонка и стук крестьянского топора, дышать чистым, живительным воздухом, подставляя лицо нежной лазури.

– В рессорной бричке на бал, – дополнил Арлекин, заулыбавшись. – Ночные аллеи, страстные признания, поцелуйчики.

– По вечерам при свечах писать стихи, – мечтательно поддержал Пьеро. – Господи, какие шедевры вышли бы из-под вашего пера! Едете в бричке, за вами толпа босоногих детей, а вы им бросаете горсть конфет. А потом сами же это с негодованием описываете.

– Для крестьян вы были бы добрым божеством, для соседей милейший, почти святой юноша. И никаких усилий от вас бы не требовалось: просто быть собой. А вместо этого – фи! – Коломбина брезгливо поморщилась. – Грязь, хамство, война...

Это было явное издевательство, однако Евгений уже чувствовал, что готов расплакаться от той великой несправедливости, жертвой которой он пал, впервые увидев свет. Либо орать в иступленном гневе.

– Ваши переживания за страну, – вновь заговорил Пьеро. – лишь ни что иное, как переживания за себя внутри этой страны, верно?

– Ваша влюбленность произрастает из страха встретить смерть в одиночестве.

– Ваши стихи – попытка закрепиться в этой жизни хотя

бы с помощью искусства.

– Что вам надо? – проскрипел зубами Евгений.

– Помочь тебе! – дружески улыбнулся Арлекин.

– Ты кажешься себе стариком, потому что совершенно запутался, – продолжал Пьеро уже без издевки. – Ты чувствуешь, что мир обманывает тебя, что он не показывает тебе, какой он на самом деле. Ты не можешь найти ключа. Есть два способа узнать, правду.

– Какие? – прошептал Евгений.

– Первый способ неприятный. Ты найдешь его на лезвии своей бритвы, в барабане револьвера, под колесами трамвая или в ледяной воде Москвы-реки.

– Можно наестся спичечных головок, – со знанием дела заметил Арлекин.

– Второй... ты его уже видел этим вечером.

Евгений хотел возразить, что он никого не видел, но вдруг перевел взгляд на белое лицо Мсье Фантазма и заметил, как тот подмигнул ему сквозь черную линзу, дернув скулой.

Это было так жутко, что его пробила дрожь.

– Нет, нет, нет... Я вам не верю! Вы его слуги! – заорал Евгений, испытывая дикий страх животного, угодившего в западню. – Вы обманываете меня!

– Зачем нам тебя обманывать? – развел руками Пьеро. – Зачем тебе обманывать самого себя?

Евгений вдруг понял, что никаких кукол на сцене нет и не было. Он оглянулся на доктора Беннетта, чтобы спросить,

что происходит. Соседнее кресло было пусто. Исчез и Мсье Фантазм. Он сидел в зале совершенно один. Неожиданно весь зрительный зал, весь театр начал сворачиваться и уходить вниз, под землю на манер водоворота. Евгений вскрикнул, чувствуя, как паркетный пол плывет у него под ногами. Он бросился к выходу, начал перелезать через спинки кресел, прущих на него, словно льдины во время ледохода. Далеко, безнадежно далеко белела спасительная дверь... Через мгновение он уже кружился в чудовищной воронке, уходя все глубже и глубже в черноту, захлебываясь вихрем опилок, в который превратился пол. Услышал собственный вопль.

Первое, что различил Евгений был выцветший узор коричневых и золотых ниток на спинке дивана. Комнату заливал слабый, но все же прекрасный утренний свет зимнего солнца. Евгений перевернулся на спину, чувствуя нервную судорогу в ногах и омерзительную колючую сухость во рту. Слава богу! Никаких страшных кукол, никакого сумасшедшего театра... Кошмар лопнул как огромный мыльный пузырь, оставив в памяти лишь гадкое пятнышко влаги. Пройдет час и это пятно испарится без следа.

Игра

Но пятно не испарилось. Оно как кислота разъело ткань памяти, оставив в ней небольшую, но не дающую о себе забыть язвочку. Евгений редко видел кошмары. Самое стран-

ное было то, что этот сон был не такой уж страшный. Его ужасный финал впечатлил Евгения куда меньше, чем откровенный разговор с марионетками. Этот разговор во сне как будто вывернул его наизнанку перед самим собой.

Весь день Евгений безуспешно пытался вытравить из головы остатки сна. Через два дня он был уверен, что сон явился ему не просто так. Быть может, в нем заговорило его второе «Я», то самое подсознание, о котором так любят фантазировать европейские психологи? На четвертый день он поклялся себе, что не пойдет на поводу у собственных предрассудков. А в следующую пятницу Евгений, ругая себя, оделся, сел в трамвай и поехал к театру сестер Зандаровых, чтобы раз и навсегда убедиться, что сон – всего лишь бессмысленное видение, не имеющее отношения к реальности.

В комнате за сценой сидели все те же лица, что и в прошлый раз. Ник в притворном восторге раскрыл рот, делая вид, что не верит своим глазам, госпожа Кранц кокетливо пошевелила длинным лакированными коготками. Но была здесь еще кое-кто. Евгений не сразу разглядел сидящую с краю в темноте сутулую фигурку с тяжелыми перстнями на пальцах и совершенно запущенной жутковато выступающей из мрака гривой серых волос.

Бледная, почти как Мсье Фантазм, Альцина Броева с полным равнодушием и, кажется, даже с раздражением посмотрела на Евгения, а потом косо взглянула на Ника.

– Вы все же решили вернуться? – спросила кукла весьма

лукавым тоном.

– Да, – ответил Евгений, с досадой чувствуя вновь пробегающую по спине дрожь от вида этого двуликого чудища.

Поскольку кукла не умела улыбаться, Мсье Фантазм позволил себе чуть-чуть приподнять уголки рта.

Евгений опустился на стул, и игра началась. Ему было скучно и сложно, он поминутно чиркал карандашом на клочке бумаги, записывая правила и ходы. При этом выходило так, что четких правил в игре действительно нет. Как можно играть в игру без правил? Евгений в растерянности глядел то на Ника, то на Кранц, которые снисходительно улыбаясь, терпеливо силились ему что-то втолковать.

– Мне тоже сначала было трудно, – сказал Ник, ободряюще потрепав Евгения по плечу. – Понимаешь, правила тут есть, но в процессе игры они как бы видоизменяются... это не поддается логике.

– Не понимаю, – помотал головой Евгений.

– Я уже говорил, ты играешь не столько с нами, сколько с самой игрой, – произнес сонный юноша с бриллиантом в ухе, которого, кстати, звали Дятлов. – Игра с тобой играет!

– Как... Она что, живая?

– Живая! – Кранц звонко расхохоталась, оскалив зубастый, как у пираньи рот.

До сих пор молчавшая Броева презрительно фыркнула.

– Считай, что да.

Евгений перевел взгляд на Фантазма и вдруг вспомнил,

что дело не в игре, а в его гипнотических чарах. Значит, все это лишь имитация, самовнушение – необязательно знать правила, достаточно просто поверить, что ты их знаешь, и «игра» сама укажет тебе путь.

Он попробовал расслабиться, очистить свое сознание и прислушаться к интуиции.

– Так, так! – одобрительно подала голос кукла, словно прочитав мысли Евгения.

В течение следующего часа Евгений тщетно пытался найти с игрой «общий язык». Он видел, как постепенно менялось поведение других игроков, по мере того, как те опускались в воображаемый ад все глубже и глубже, сталкиваясь с опасностями и переживая новые приключения. Они как будто начинали видеть этот несуществующий мир: совершенно искренне пугались, радовались и даже плакали. С Дятловым случилось оцепенение, наподобие того, которому в прошлый раз подверглась Кранц. Ник взорвался безумным хохотом, через минуту перешедшим в истерические рыдания. Это было отвратительно. Но в этот раз Евгений сидел, прикованный к стулу соблазном и любопытством. Ему казалось, что завеса тайны вот-вот спадет, и он испытает на себе неведомое искусство гипноза.

Этого не случилось. В первый вечер он обрел лишь смутное понимание того, что представляет собой игра (иначе как просто «игра» ее никто и не называл). И так пошло дальше. Каждую неделю Евгений приезжал в театр к концу выступ-

ления Мсье Фантазма и в компании новых друзей пытался постичь нарисованный углем на полу иной мир. Для домашних упражнений Мсье Фантазм подарил ему странную вещь: рисунок, состоящий из множества хаотично перемешанных элементов, словно выполненный кистью абстракциониста-маньяка.

– Попробуй разглядеть в нем скрытый образ. Если у тебя все получится, ты даже увидишь его в движении, – объяснила Евгению кукла.

Евгений вернулся домой, чувствуя себя ни то начинающим Фаустом, ни то законченным идиотом. Тратить время, тарасясь на дурацкую картинку, в поисках волшебства, обещанного сумасшедшим – совсем недавно это показалось бы ему настоящим падением.

«Чем я, в сущности, отличаюсь от того бедняги, променявшего свой дом на жизнь в землянке?» – с грустью думал он. – «Должно быть, лишь тем, что стремлюсь к удовольствиям, а не к спасению от суда господнего».

И он смотрел на этот рисунок каждый вечер, когда, закончив (а иногда и вовсе не доделав) университетские задания, при свете ночника садился в кресло, не обращая внимания на голодный зуд из-за пропущенного ужина. Ночью лежа в постели, он часами мысленно перебирал и обдумывал заученные правила (или то, что можно было назвать правилами), выстраивал комбинации, рисовал в мозгу игровые маршруты. Зато теперь его уже не так беспокоили мысли о

стране и о безумии жизни, которое к слову проявлялось с каждым днем все отчетливей.

Так, в какой-то момент Евгений понял, что закупать продукты на далеком рынке теперь уже во всех отношениях выгоднее, чем отстаивать очередь в магазин за углом. Мрачные слухи, как змеи, ползавшие по Москве уже многие месяцы, все больше отдавали зловещей мистикой. Не проходило и дня, чтобы стоя в трамвайной толпе, он не услышал очередные бредовые рассказы, по духу соответствующие шестнадцатому веку. От летнего подъема не осталось и следа. Все уже давно перестали ненавидеть немцев, которых в сущности никогда и не ненавидели. Евгений чувствовал, как в массах зреет новый образ врага и тут же мысленно посылал к черту и страну, и народ с его дикостью и непостоянством.

«Надо разобраться с игрой», – думал он. – «Сойти с ума за отечество я всегда успею».

Будучи от природы пытливым и усердным, Евгений за пару недель научился видеть скрытый в картинке образ. А уже через месяц играл в игру на равных с остальными. Теперь он знал, каково это, когда половина твоего сознания сидит в комнате, лениво двигая керамическую фигурку, а вторая бродит по ирреальным подземельям, сражает чудовищ, общается с умершими гениями, избавляет несчастных от мук, искренне страдает, ликует, дрожит от ужаса и рычит от ярости. Это раздвоение было совершенно бесподобно. Евгений не знал, как действуют наркотические препараты, но даже

самые яркие сны не могли подарить похожих иллюзий. В глубине души Евгений даже сомневался, что имеет дело с простым гипнозом: в конце концов, Фантазм ни разу не заглянул ему в глаза, значит, он вводил себя в это состояние самостоятельно. Но задумываться об этом почему-то было лень – всегда свойственная Евгению любознательность начинала угасать и уступала место наплевательскому легкомыслию. Общающийся через куклу фокусник, магическая сила игры, в которой нет четких правил и которая играет с тобой сама – все принималось как должное.

Была и еще одна странность, не столько изумлявшая, сколько раздражавшая всех игроков: ни один из сеансов, которые посетил Евгений, не закончился чьей-либо победой. Игра как будто мастерски обводила всех ее участников вокруг пальца. Из раза в раз игроки пытались добраться до выхода из нарисованного ада, кто-то с большим, кто-то с меньшим успехом. Но по истечении трех часов все оставались ни с чем. Иногда победа буквально выскользывала у них из рук.

Как-то раз Евгений всю ночь прохлопал глазами, мучительно выстраивая в голове стратегию предстоящей игры и под утро даже увидел об этом сон.

Приехав следующим вечером в театр, он вдруг с необычайной ясностью почувствовал, как внутренний голос подсказывает ему верные ходы, руководит всеми его действиями, оберегая от ошибок. Оторопев от своего везения и мастерства, не смея даже в мыслях потешить самолюбие, Ев-

гений ловко обошел Ника, перехитрил Кранц, разбил в поединке Дятлова и, оставив в западне еще двоих игроков, вошел в Пандемониум следом за Альциной, которая, ликуя, поначалу даже не заметила опасного соперника.

Но вдруг ее глаза вспыхнули, алчные зрачки осветила поистине дикая тревога и ярость. Она смотрела на Евгения, как на злейшего врага, как голодная кошка смотрит на ворону, задумавшую стащить ее законный клочок мяса. Сам Евгений тоже оказался немного вне себя. Он чувствовал, как дрожит его рука, передвигающая фигурку, как в лихорадочном азарте мечется сердце, как дергается кожа на окаменевшем лице. Вероятно, у него точно также светились глаза, только без ярости, а как у человека, заранее уверенного в своей победе.

Они шли к цели уже почти вровень. Красочные галлюцинации в сочетании с невероятным напряжением совершенно вытеснили чувство реальности. Евгений не сразу понял, что не попадает палкой в фигурку. Ник бросился ему помогать.

Они давно миновали рубежи, на которых терялись и вылетали самые опытные игроки. Сопrotивляющаяся всеми способами игра уже в открытую давила на сознание, пыталась одурманить его, притупляя одни чувства и до предела обостряя другие. Евгений плохо понимал, что происходит, но инстинктивно продолжал идти по ледяной поверхности, видя впереди ужасающую кристаллическую даль и слыша над собой оглушительный скрежет зубов во рту Альцины.

«Я побеждаю! Я побеждаю! Я...» – исступленно твердил

он, забыв, что его слышат какие-то далекие люди в какой-то далекой комнате.

Внезапно Евгений понял, что его везение – всего лишь издевка со стороны игры, решившей выкрасть у него победу в самый последний миг. Конечно! По-другому и быть не может. Не зря у него до сих пор все шло, как по маслу. Он проиграет, потому что выиграть здесь нельзя, потому что так устроена жизнь, потому что он бессильное ничтожество. Собрав последние силы и вцепившись зубами в ускользящую надежду, Евгений бросился к заветной цели, как умирающий в пустыне к привидевшемуся оазису.

Альцина рычала где-то позади, лишившись обеих ног из-за ничтожной промашки.

Евгений сделал последний шаг. Вот оно! Где же подвох?! Он трясся всем телом, едва не падая со стула в припадке эйфорического хохота. В ушах грохотали аплодисменты. Кранц чмокнула его в щеку, обдав из ноздрей табачным дымом. По застывшему в жуткой гримасе лицу Альцины растекались багровые пятна, а в поблескивающих глазах зияла неподдельная ненависть.

Он победил. Победил в игре, в которой не побеждал еще никто.

– Как ты это сделал?! Черт возьми, как?! – в восторге кричал Ник, хватаясь за голову.

Все радовались. Никто, кроме Альцины, не испытывал к Евгению зависти. Даже честолюбивый Дятлов сдержанно

улыбался и хлопал в ладоши.

Какая-то часть Евгения до сих пор не могла поверить, что победа его, и никакого подвоха нет. Однако скоро это ничтожное сомнение было вытеснено, как только кто-то из присутствующих произнес слово «рай». Теперь его ждет рай! Господи, он-то думал, что испытываемое им счастье – это рай и есть! Что еще за рай? Как он выглядит? Какие знания можно там обрести?

– А теперь, я попрошу всех джентльменов и леди оставить нас с победителем наедине! – сказала веселая кукла. – Доброй ночи, мои дорогие! А ты, Ник, пожалуйста, сядь в зрительном зале и подожди часок-полтора. Твоему другу возможно понадобится помощь, надеюсь ты не слишком дорожишь своим сном?

– Пустяки-с, – махнул рукой Ник. – Наслаждайся!

Он похлопал Евгения по плечу с таким видом, словно оставлял его в гостиничном номере с роскошной проституткой.

А вот Евгению от слов «понадобится помощь» стало как-то не по себе.

Не прошло и минуты, как все участники, перешептываясь и ахая, покинули комнату. Последней медленно вышла Броева, напоследок вновь испепелив Евгения взглядом разъяренной фурии.

«Больная!» – подумал Евгений.

Он чувствовал к ней жалость и одновременно брезгливую

неприязнь. Он понимал, что достигшая таких глубин падения, не признающая ничего, кроме наслаждений, Альцина сейчас наверняка желает ему смерти за украденное счастье. Быть может, она даже попробует его проклясть.

Евгений и Фантазм впервые сидели одни за плотно закрытой дверью. Уже не было слышно голосов разъехавшейся по домам публики. Лишь где-то в зале остался скучать Ник.

– Встань на колени, – тихо велела кукла.

Евгений тут же повиновался.

Мсье Фантазм подался вперед, чем-то неуловимо напомнив хищного удава, гипнотизирующего жертву, перед тем как заглотить. Двойной образ Евгения кривился и маячил в его черных линзах.

– А теперь... Смотри!

Его громадная в белой перчатке рука начала медленно снимать очки. У Евгения перехватило дыхание. Несколько секунд он видел лишь бледные, как у мертвеца, устало закрытые веки. Потом, вздрогнув, они принялись открываться, обнажая... Господи да что же под ними пряталось?

Это были самые страшные, нечеловеческие глаза, которые Евгений видел в своей жизни.

Прежде, чем он успел осознать, что видит существо, у которого в глазах отражена его собственная душа, эти глаза хлынули на него океаном черноты, поглотив и утопив в считанные мгновения.

За гранью

Евгений куда-то летел. А, может, и не Евгений, а просто Он. Или Они или Оно, или вообще ничто... Да какая разница! Хотел узнать истину? Вот она!

Видишь город внизу? Евгений и правда увидел пылающий в ночи золотыми огнями город. Была ли это Москва, Париж или Нью-Йорк не имело никакого значения.

Посмотри сколько людей. Посмотри, как они носятся, как насыщают свои мелкие потребности, как они жрут друг друга и сами себя! Думаешь, они все наделены такой же индивидуальностью, как ты? Не-ет, Богу просто не хватило бы сил пичкать их всех отдельными вселенными!

Евгений разделился на миллион частиц, попал в каждый дом, в тело каждого человека. И действительно, не нашел в них ничего хоть сколько-то соответствующего его собственным масштабам. Люди напоминали безмозглые марионетки. Куклы, созданные лишь с целью обмануть его доверчивое мироощущение. Ничего удивительного, что они мрут, как мухи: разве может умереть целая отдельная вселенная? Конечно, нет! Это было бы преступным расточительством созидательных сил мироздания.

Ты вечен! И правда – Евгений расхохотался, вспомнив, как раньше боялся смерти. Разве могу умереть Я? Разве могут умереть глаза, которыми реальность видит саму себя. Какая чушь! Какая нелепость! Да ради этого придется погасить

все звезды, все галактики!

Эфир, бывший когда-то печальным поэтом, достиг пика своего совершенства и счастья. Он носился меж планет и звезд, крохотных по сравнению с ним, как светлячки в ночи. Ни в чем не было смысла. Нигде не проступало и подобия логики. Он видел не только то, что как бы существовало, но и плоды грубейшей человеческой лжи: всех этих богов-чудовищ, идолов и кумиров, во имя которых бросали в огонь миллионы жизней.

До тебя ничего не было. После тебя ничего не останется. Все, что ты знал о пространстве и времени – миф. Даже всемогущий Мсье Фантазм! Ты это все! Все это Я!

Истина рассекла мглу невежества беспощадным и прекрасным лучом, сжигая одну за другой жалкие иллюзии прошлого. Хватит возиться с этой бутафорской, изолгавшейся вселенной! Долой ее! К черту старый мир!

С усмешкой перебирал Евгений в памяти все глупости и нестыковки жизни, в которую когда-то безотчетно верил. Словно талантливый писатель с презрительным наслаждением читает творчество своего бездарного собрата.

Хочешь сотворить собственный мир? Разумеется, он хотел, он жаждал этого. Стерев разом прежнюю вселенную до последнего атома, он с величайшим увлечением и бешеным азартом принялся создавать свою, правильную, идеальную реальность. Это было как писать стихи, только гораздо легче и приятней: ведь теперь он всемогущ!

Когда работа подошла к концу, Евгений испытал удовлетворение, какое не чувствовал ни разу в своей ничтожной земной жизни. Все, что можно было сделать, сделано: без углов, без шероховатостей, без теней, без контрастов, без проклятой двоякости. Теперь остается только существовать в этом мире одному (зачем нужен еще кто-то?) Застыть вместе со своим творением. Со своим детищем. С величайшим и единственным произведением искусства, которое благодаря отсутствию времени будет восторгать его вечно. Это и есть рай!

Возвращение

Он разодрал веки. Мутно-зеленое марево наконец рассеялось. Впереди маячило что-то большое и темное, издавая однообразный, шипяще-цокающий звук. Следом за головой постепенно оживали и приходили в себя другие части тела. Он пытался двигать ими, но почти не мог, как если бы замерз до полусмерти. Каждое движение стоило мучительных усилий и вызывало желание снова впасть в забытье. Кости и органы как будто не могли договориться между собой.

Чья-то рука заботливо запахнула на его груди расстегнутую шинель. Евгений с треском в шее повернул голову и увидел рядом улыбающееся в полумраке лицо Ника.

– С возвращением! Ты был прямо как труп!

Евгений хотел ответить, но зубы примерзли друг к другу.

Голос приятеля доходил до него словно издалека.

Они неспешно ехали в извозчичьих санях по темной, спящей Москве. Евгений чувствовал, что его пробирает озноб. Это было по-настоящему страшно, ведь, начав дрожать, его тело просто развалится на части, как карточная пирамида.

– Я тебя дожидался не час, а два с половиной, – как бы между прочим сообщил Ник. – Устал ждать, захожу в комнату – ты на стуле сидишь, замороженный! Аж смотреть жутко... И Фантазм куда-то исчез – черт его знает, как ушел. Наверно, ввел тебя в транс и не смог вывести. Я тебя вытащил, спасибо сторожам.

С-сп-пасиб-б... – выдавил из себя Евгений, чувствуя, что не может совладать даже с этим дурацким словом.

– На, вот!

Ник сунул ему в рот папиросу и чиркнул спичкой.

– Да, теперь я понимаю, чего наша Броева так взбесилась. Это почище всякой химии!

– Я... Н-ник...

Евгений хотел сказать Нику что-то невыносимо важное и срочное, но Ник крикнул извозчику, чтобы тот остановился, и выпрыгнул из саней. Справа от них блекло желтели окна какого-то ресторанчика или кабака.

Осторожно, как инвалиду или глубокому старику Ник стал помогать Евгению встать на ноги.

– Спокойно, спокойно, – шептал он, ведя своего полуживого друга к дверям.

Евгений не без радости ощущал, как ноги все-таки начинают вспоминать о своем предназначении. Только бы ни одна из них не подкосилась!

Яркий электрический свет обжег глаза как спирт. Ник усадил его за столик и сам сел напротив.

– Водки! – приказал он коротко стриженному официанту, который, искоса поглядывая на Евгения, как бы вопрошал: можно ли такому вообще что-то пить?

Через минуту водка была принесена.

– Не обольешься? – спросил Ник.

Евгений помотал головой и дрожащей рукой вылил жгучую влагу на пересохший язык. Прежде он с брезгливостью относился к водке, однако сейчас выпил бы даже керосин, если б это помогло вернуть связь с реальностью и власть над телом.

Живительное тепло разбежалось по артериям и капиллярам. Евгений почувствовал, что перестает быть трухлявой мумией. Ник налил ему еще.

– Ну что, лучше?

– Да, – хрипло вымолвил Евгений и тут же закашлялся.

– Завидую, – без тени иронии признался Ник.

Евгений непонимающе нахмурил лоб.

– Что ты там видел?

– Это... это трудно описать, я с-сам толком не помню.

– М-м да, понимаю! Но все же, как оно? Здорово?

Евгений покивал, чувствуя, как в душе почему-то заше-

велился стыд.

– Ник!

– Что?

– Я ведь ничего странного там не делал?

– Откуда мне знать! – Ник высосал свою рюмку. – Когда я вошел, ты сидел неподвижно, как роденовский «Мыслитель». Одетый, разумеется! А что там с тобой происходило – это тебе только Мсье Фантазм расскажет. Если мы его еще увидим.

Евгений чувствовал, что обязан что-то сообщить Нику. Что-то, от чего, возможно, зависит его, и не только, жизнь. Но как он ни мучился, вспомнить не получалось.

– А все-таки, что тебе там привиделось? – лукаво спросил Ник, подаваясь вперед и заглядывая в глаза.

Евгений смотрел на его грубоватое, мускулистое лицо с широкой челюстью и полупустым взглядом.

– Вселенная.

– О-о... И какая она?

– Прекрасная, – соврал Евгений.

Он хорошо помнил, что восхищался вовсе не той вселенной, о которой шла речь.

– Повезло тебе! – вздохнул Ник. – Тебе в этот раз как будто... дьявол помогал. Я же видел, как ты всех обставил. Мастер!

Они выпили еще по рюмке. Евгений уже ощущал себя почти здоровым. Только растерянность и тоскливый страх по-

прежнему метались у него в мозгу.

– Ну что? – по губам Ника пробежала хмельная улыбка. – Надобно отпраздновать твою победу, как думаешь? Куда поедем?

– Домой.

– Да брось! Я знаю одно местечко. У мадам Жаме на Петровке...

– Ник, мне надо домой, правда. Я боюсь, что не дойду.

– Что, так плохо?

– Да.

– Ладно! – Ник разочарованно хлопнул себя по колену. – Домой, так домой!

Евгений подумал, что, вероятно, ему даже стоит сходить к врачу, но с облегчением вспомнил, что отравиться гипнозом невозможно.

Еще одна мысль, никак не связанная с событиями этого вечера и, вероятно, навеянная водкой, изумила его не до конца прояснившееся сознание.

– Ник.

– Что?

– Ты ведь футурист.

– И?

Евгений пытался совместить все разговоры Ника об искусстве будущего с тем, что он сейчас видел и слышал: с игрой, с выпивкой, с домом мадам Жаме.

– Поэт будущего.

Ник несколько секунд не понимал, в чем состоит проблема. Потом поняв, рассмеялся и с умилением взглянул на Евгения.

– Так ты об этом. Нет, дружище, я не футурист. Таких поэтов вообще нет!

– Как же?

– Есть те, кто любит публике в морду плевать. Хочешь я тебе сейчас экспромтом шедевр выдам, а потом скажу, что я его три месяца по капле из сердца выдавливал. И все поверят, никто ничего не докажет. Футуристов нет, и будущего нет. Живи настоящим!

Евгений отодвинул от себя не выпитую рюмку, чувствуя подступающую с каждой секундой тошноту.

Ник довез его до дома и, взмахнув на прощание тростью, умчался в ночь. Оказавшись в своей комнате, Евгений, даже толком не раздеваясь и не включая свет, доплелся до дивана, упал на него, как подрубленное дерево и долгое время неподвижно лежал, закрывая и открывая больные глаза.

«Надо спать», – шептал он себе. – «Спать, спать! И все будет хорошо. Все будет как раньше!»

Но в душе он понимал, что как раньше уже не будет. Его обманули. Коварно обвели вокруг пальца. Он увидел то, чего видеть нельзя, и впереди расплата. Сделанного не воротишь!

Где-то во дворе протяжно завывала собака.

Февраль

Счастливая и безумная, игривая и страшная, сентиментальная и безжалостная человеческая река медленно поглощала застывшую в испуге улицу. Ее бурные воды были мутно-серого цвета и сочетали в себе слишком многое. В них смешалось все, что прежде казалось совершенно чуждым друг другу: дорогие черные пальто и бледные солдатские шинели, колючие бабьи платки и модные шляпки с вуалью, холеные бороды и впалые щеки. Плечом к плечу с роскошной меховой бояркой двигался побитый картуз. Дамская шубенка льнула к деревенскому зипуну. Золотые погоны покорно следовали за лохмотьями прямиком с Хитрова рынка. В этой разномастной толпе лишь одно было совершенно всеобщим, словно связывающим идущих незримой нитью: похожие на красные осенние листья на темной речной зыби, повсюду виднелись алые, будто нападавшие за ночь вместо снега, банты. Над головами плыли транспаранты с лозунгами и требованиями, совершенно бесстрашными, немислимыми всего год назад. Слева долетало угрожающее скандирование, справа Марсельеза, сзади залихватская матерщина, спереди интеллигентские рассуждения.

Евгений тоже шел в этой толпе. Не потому что мечтал о свободе и жаждал конца войны (хотя все это было бы весьма кстати). Просто ему хотелось добраться до дома. Трамвайное сообщение умерло. Поймать извозчика теперь было труднее, чем схватить налету воробья. Да и как знать, куда тебя увезет

ЭТОТ ИЗВОЗЧИК.

Позади Евгения, грохоча, тащился грузовик, в кузове которого сидели вооруженные винтовками солдаты. Они несомненно гордились собой: не кричали, не пели, только сурово дымили самокрутками, мрачно глядя из-под надвинутых на глаза папах.

Какая-то барышня, с виду институтка, орала в эмоциональном припадке, требуя «вешать их, вешать их всех!». Евгений ждал, что она, наконец, успокоится, поскольку вешать здесь было явно некого. Но барышня продолжала вопить, подпрыгивать и трясти кулачком так, что на нее оглядывались даже угрюмые фабричные работяги.

Это не было похоже на братство. Увидеть в происходящем торжество добра можно было, лишь поддавшись пьянящим чарам толпы, которые на Евгения не действовали.

Он заметил, что человеческая река замедляет свой ток, видимо наткнувшись на неведомую плотину. Вдалеке слышалась чья-то яростная ругань и глухой говор тысячи голосов, похожий на утробное медвежье рычание. Солдаты повыпрыгивали из кузова и начали протискиваться вперед, сквозь густеющую с каждой секундой толпу.

– Что, что там? – испуганно спрашивала высокая дама, с трудом вставая на носки своих копытоподобных туфель.

– Может, трам поперек поставили? – предположил курносый парень, на котором кроме рубахи, штанов и лаптей ничего не было.

Евгений понял, что оставаться в толпе не лучшая идея и, раздраженно извиняясь, стал продираться в сторону ближайшего переулка.

Давка еще не началась, и серьезных препятствий на пути не возникало. Лишь какой-то верзила в маньчжурской папаше вдруг попытался ухватить его за шиворот и мерзко бранил, тараша злобные, шальные от водки глаза: видимо решил, что Евгений сбегает из трусости.

Евгений рывкнул ему что-то в ответ, выбрался из толпы и, бешено сыпля проклятиями, зашагал вниз по грязному, уползающему куда-то извилистой змеей переулку.

В Москве уже третий день творилось что-то невообразимое. Должно быть, как-то так все выглядело двенадцать лет назад, во время первой революции. Евгений тогда все дни просиживал дома и не мог знать, на что это было похоже, но запах страха и безумия хорошо отпечатался в памяти. Сейчас он снова разливался в воздухе.

Где-то вдали, как вода капающая на раскаленную печь, зашипели винтовочные выстрелы.

– Идиоты! – скрипнул зубами Евгений.

Переулок был почти пуст. Деревянные дома за прогнившими заборами тупо тарасили на Евгения свои безжизненные окна. По замерзшей слякоти с криками пронеслась стайка мальчишек: должно быть, спешили понаблюдать за сражением.

Евгений пристально разглядывал переулок, пытаясь сооб-

разить, куда он забрел, и как ему выйти к Спиридоньевской. Решив двигаться параллельно главной улице, он свернул в другой еще более узкий и загаженный переулок. Чуть не поскользнулся на обледеневшей выбоине. Увидел впереди запертые ворота, обозначившие тупик.

«Надо возвращаться», – безнадежно пронеслось в голове.

Из какой-то дыры навстречу Евгению вывалился толстяк в жандармской шинели, без шапки, с перекошенной физиономией и свежей, пылающей ссадиной на лбу.

Они пару секунд недоуменно смотрели друг на друга. Вдруг незнакомец вскинул руку, и в следующий миг Евгений оказался лицом к лицу с черным дулом револьвера.

– Стоять!

Маленькие, блестящие глаза жандарма светились первобытным ужасом. Усы торчали вверх, как у бешеного кота.

– Шинель!

– Ч-что, простите? – пробормотал Евгений, поднимая вверх руки.

На него еще никогда в жизни не наводили оружие.

– У меня есть паспорт...

– Какой к черту паспорт, осел! Снимай шинель!

До сих пор не понимая в чем дело, Евгений начал судорожно расстегивать пуговицы.

Жандарм неожиданно схватил зубами за рукоятку свой револьвер и трясущимися пальцами, дико сопя, принялся расстегивать собственную шинель.

Не прошло и минуты, как он натянул на себя шинель Евгения, так что у той треснули швы на спине, надел его фуражку и после тщетной попытки застегнуть на громадном животе пуговицы, выругавшись, кинулся прочь.

Евгений стоял один, оторопело глядя вслед своему грабителю. О том, чтобы взять лежащую в грязи жандармскую шинель не было и мысли. Он зябко поежился и почти бегом направился вон из проклятого переулка. На нем был его легкий студенческий мундир. Добраться поскорее до дома неожиданно стало вопросом здоровья, а, может быть, даже и жизни.

Болезнь

Все, что происходило дальше, не поддавалось осмыслению. Понять новую жизнь мог только тот, кто находил прелесть в разрушении всего привычного и устоявшегося. Революция свершилась, но ни перехода к новому бытию, ни возврата к старому не было.

Евгений видел это и удивлялся, почему события в стране так мало его волнуют. Случись это пару месяцев назад, он бы наверно уже сходил с ума. Но теперь... Первый раз в жизни Евгений по-настоящему испугался за себя. Он многое пережил с той проклятой ночи, когда одержал победу в игре, и Мсье Фантазм вознаградил его, отведя за ручку в мир грез.

Уже на следующее утро Евгений почувствовал дикуую

жажду вернуться в театр и повторить волшебное путешествие. Конечно же, он запретил себе это делать, зная, что висит на краю обрыва. Его тело больше не испытывало недомоганий, но было кое-что пострашнее физической тяги: избалованный галлюцинациями разум отказывался принимать окружающую действительность, не желал верить в ее серьезность. Ему требовалась та абсолютная истина, та совершенная вселенная, в которой он однажды уже побывал.

Это была настоящая хандра. Все попытки встряхнуть себя, заставить вернуться в прежнюю колею, жалкие потуги увлечься чтением или хотя бы отвлечь себя походами в кинематограф не приносили результатов. Долгие дни воздержания лишь раздували пожирающее душу пламя. Болезненная усталость с каждым утром все тяжелее ложилась на плечи, наполняя сердце страхом и тоской.

Было совершенно очевидно, что он испытал действие какой-то неведомой энергии, не имеющей отношения к классическому гипнозу. Но как узнать, что это за сила и как ей сопротивляться?

Доктора, которых он посещал, предполагали неврастению, связанную с перенапряжением, или тревожную депрессию, вызванную тонкостью натуры, возрастным кризисом и социальными потрясениями. Давали самые банальные советы. Того, что Евгений мог находиться под влиянием каких-то внешних сил не допускал никто.

Однажды, не выдержав, Евгений все-таки сел в трамвай

и доехал до театра сестер Зандаровых, плохо понимая, что он будет там делать. Двери театра были заперты, на месте плаката с изображением Фантазма теперь висело расписание спиритических сеансов, проводимых какой-то дамой с дурацкой фамилией. Все было кончено. Фокусник и его игра испарились, словно никогда не существовали.

Зная, что каждое воспоминание об этих вечерах лишь добавляет яда в его отравленную психику, Евгений, тем не менее, позволял памяти баловать себя. Поздней ночью, погасив свет и улегшись на диван, он начинал мысленно воспроизводить процесс игры. Вновь и вновь проходил нарисованную карту, из раза в раз вспоминал, где и какие видения его посещали. Каждую ночь, часами облизывая в голове обрывки прошлого, он до того напрягал сознание, что все дальше и яростнее отгонял от себя сон. Евгений сам не заметил, как заболел бессонницей. Прежде никогда надолго не покидавшая его способность засыпать превратилась в дополнительную, тяжелую пытку.

Приходя в университет, Евгений нередко дремал на лекциях. Его успеваемость падала, отношения с профессорами портились на глазах. Чтобы как-то удержаться и не вылететь, он начал закупать в аптеке стрихнин.

Как-то раз в один из безнадежно серых мартовских дней Евгений ходил по Москве и, забывшись, по привычке забрел в арку, где находилась редакция «Задиры».

«С утричком, господин Цветков!» – прогремел над ухом

счастливый голос швейцара.

Теперь ему ничего не оставалось, кроме как войти.

В кабинете Зауера все было как всегда, только табачного дыму стало больше, а прежде пребывавший в относительном порядке редакторский стол ломился от канцелярскогохлама.

Сам Зауер сидел за столом и грозно отчитывал за что-то понурившую голову сотрудницу.

– Женюр! Очень вовремя! – воскликнул Зауер, не успевая сменить гневный тон на приветственный. – Как дела?

Евгений пожал плечами и вспомнил, что надо поздороваться.

– Почему не зашел в прошлую пятницу? Значит так, бери бумагу, записывай!

Евгений стал рассеяно шарить взглядом по столу.

– На, на! – нетерпеливо крикнул Зауер, протягивая ему заляпанный чернилами лист и перо.

– Вот твоя новая мишень! – он торжествующе ткнул пальцем в портрет бывшего царя.

Еще стоя на пороге, Евгений заметил, что с портретом что-то не так, однако принял это за обман зрения и даже не удивился, что картина до сих пор висит. Теперь он это ясно видел: на голове у Николая красовались аккуратно пририсованные красной краской рожки, а изо рта торчал такой же красный язык.

– Стих должен быть на полторы страницы. По четыре

строчки каждая строфа, самым простым размером. Первое: царя называть только Николашкой или Коленькой, побольше фамильярностей, колкостей, представь, что он... твой тупой младший брат. Второе: подведи итог его бездарного правления. Начни с Ходынки, пройдишь по войне с Японией, по реформам, можешь, кстати, упомянуть случай с японским полицейским. Третье: про связи царицы с Распутиным и ее шпионство не пиши, эти байки сейчас пишут все, кому не лень. Просто заметь, что грязный урод, мажущий салом волосы, давал государю советы. Четвертое... Ты успеваешь?

Евгений кивнул, хотя явно застрял где-то в середине. Дрожащее перо одну за другой сажало жирные кляксы.

– Что-то ты сегодня рассеянный! Плохо выспался?

– Да.

– Понимаю! Мне тоже нынче не до сна. Такой мандраж! – Зауер вдруг вскочил со стула и кивнул в сторону окна с неврастенично-счастливым видом.

– Все! Конец эпохи! Теперь мы либо свободные люди, либо скоты без пастуха! Ох, как интересно! Куда пойдет страна, чем все кончится?

– Значит, дальше! – продолжил он, усаживаясь за стол. – Четвертый пункт: в самом конце постарайся вскользь упомянуть судьбу Карла Первого и Людовика Шестнадцатого. Только без кровожадности, понял? Найди золотую середину.

Евгений закончил чиркать пером и, больше полагаясь на память, чем на изгаженный листок, принялся его склады-

вать, чтобы положить в карман. Он чувствовал, насколько заметна и ужасна его неловкость.

– За неделю справишься?

– Постараюсь...

– Что значит «постараюсь»? Да или нет?

– Извини. Да.

– Ладно, – Зауер с подозрением глядел на Евгения, словно почуял в нем скрытого врага. – Можешь идти.

Евгений вышел из подъезда, пряча лицо от режущего ветра и снежной крупы. Проехавший по улице мотоциклет чуть не разодрал ему барабанные перепонки.

Евгений шагал в сторону своего дома. Его нисколько не беспокоило, успеет он написать стих или нет. Проходя мимо какой-то церквушки он, преодолев неохоту, зашел внутрь. Церковный сумрак пах ладаном, но ничего доброго и очищающего в нем не было. Иконы были просто красками с позолотой.

Евгений начал читать молитву, но быстро запутался в словах. «Я болен», – прошептал он, глядя в фальшивые, нарисованные глаза Богородицы. Никогда прежде религия не казалась ему таким обманом, как сейчас. Какой смысл о чем-то молиться, каяться, просить о спасении? Никто не спустится с небес, не протянет руку помощи. Даже не подаст знака. Потому что никого нет! «Есть только я!» – в этом он уже убедился.

Спустя две недели Евгений побывал в гостях у Ани. Ее

квартира была все тем же уютным островком, который февральская буря обошла стороной. Впрочем, кое-что все же переменялось.

– А где горничная? – спросил Евгений, снимая свою старую, теперь уже единственную шинель.

– Мила? – весело улыбнулась Аня. – А все, она теперь «товарищ»! Хочет служить делу, а не людям!

О том, что Мила теперь служит делу, наглядно свидетельствовала гора грязной посуды на кухне.

Зайдя в гостиную, Евгений понял, что ничего от прежней воздушной беспечности здесь уже не осталось.

– Это было ужасно! – рассказывала Леля, театрально закатывая глаза. – Они целый час искали у нас оружие, а меня с родителями заперли в ванной. Эти хамы с белыми повязками, как их...

– Милиционеры, – напомнил Максим.

– Вот именно! Господи, слово-то какое – смех один! Еще бы легионерами назвались!

Вечер протекал натянуто и скучно. Леля и Аня спели пару песен. Завели граммофон. Потом Илья блестяще спародировал нового министра юстиции, вызвав хохот у Ани и негодование у Марии, которой тот очень нравился.

В какой-то момент Евгений ощутил резкую боль в глазах и поспешил в ванную. Склонившись над раковиной и смачивая веки ледяной водой, он вдруг заметил в зеркале возникшую позади него Альцину. Евгений повернулся, и они очу-

тились лицом к лицу.

– Нехорошо, да? – с издевательским сочувствием поинтересовалась Броева.

Евгений, молча, попытался ее обойти – ему совсем не улыбалась перспектива вступить в конфликт с этой больной особой. Альцина мигом перегородила дверь. От нее пахло едкими духами, табаком и, кажется, еще чем-то медицинским.

– Отойди! – тихо потребовал Евгений.

Альцина с отвращением по-беличьему вздернула губу.

– Да... Ты еще хуже, чем я думала!

– Что тебе надо? – промолвил Евгений сквозь зубы. – Что ты за мной вяжешься! Все никак не можешь простить?

Альцина вдруг мерзко расхохоталась, запрокинув голову, и самым развратным образом облизнула рот.

– Это идиотская игра...

– Она не для таких, как ты, чертов болван! Неужели не понятно?

Евгений хотел что-то ответить, но вдруг растерялся.

– И как тебя угораздило, а? – злобно продолжала Альцина. – Ты же никто! Бездарь, стихоплет бестелесный!

– Мне просто повезло! Такое случается!

Альцина яростно заскрипела зубами и растопырила когтистые пальцы. В ней было что-то от маленькой смертоносной гадюки, готовой к броску. Евгений полу-осознанно сдвинулся влево, чтобы заслонить от нее стоявшие у раковины

бритвенные принадлежности.

– Случается! – прошипела Альцина.

– Да! И вообще... ты должна радоваться, что выиграл я, а не ты! Ты не представляешь, что со мной происходит! Во что превратилась моя жизнь!

– Да ладно! У тебя на лице все написано! Белый, как покойник и глаза красные! Ты в зеркало посмотри!

От этих слов на Евгения вдруг накатило такое отчаяние, что захотелось упасть ниц и зарыдать на потеху своей ненавистнице. Он мученически зажмурил глаза и стиснул зубы.

– А ты думал, что в Пандемониуме все понарошку, да? Что будешь веселиться за так? Вошел и чистеньким вышел? – насмешливо продолжала Альцина. – Дорого бы я отдала, чтобы узнать, зачем он тебе подыгрывал! Тебе-то! Ты кто такой?

– Ну а ты? – спросил Евгений осколками голоса. – Ты кто?

– Я?! – Альцина оскалила кривые зубы, дико вытаращив глаза. – Ведьма! В пятом поколении! Что, кретин, не ожидал?

Евгений почему-то не сомневался, что слышит чистую правду.

– Это я должна была победить! Мне было суждено видение! Я почти...

– Если ты думаешь, что он открыл бы тебе смысл жизни, ты ошибаешься.

Альцина фыркнула.

– По себе судишь? Смысл жизни в наслаждениях, я это знаю давным-давно! Я хочу знать, что там дальше! Как все устроено? Что лежит за пределами этого чертова мира? Может, ты мне расскажешь, а?

– Я не сумею.

– Разумеется!

Евгений смотрел в ее безумные, алчущие глаза, и в голову закралось воспоминание о пророчестве, произнесенном Альциной три месяца назад.

– Если ты так хочешь узнать, то почему... – он замешкался, хотя выбирать выражения было сейчас явной глупостью. – Почему не...

– Что?

– Ты знаешь.

Губы Альцины мрачно сомкнулись, от злорадства не осталось и следа. Взгляд сделался тяжелым и затравленным. Она молча, сняла браслет и показала Евгению свое левое запястье, на котором красовались два поперечных шрама. Один зажил достаточно давно, а второй был сделан явно несколько дней назад.

– Хочешь спросить, почему я не убью себя? Почему – хм... А ведь я презираю эту вашу жизнь. И не как эта дура Маша Вранек, а по-настоящему! Почему еще не убилась – хо-хо! – она резко развернулась и, ударив кулаком дверь, вышла из ванной. – Потому что карты не легли, вот почему!

Евгений хотел выйти следом, но вместо этого сел на край

ванны и закрыл лицо ладонями. Все было похоже на один бесконечный бредовый ночной кошмар. Кошмар, который только начинался.

Явление доктора

- Евгений! Очень рад вас видеть! Присаживайтесь, мой друг!

Евгений опустился в знакомое кожаное кресло.

Лицо доктора Беннетта каменело, по мере того как он оценивал внешний вид Евгения опытным глазом. Причин бить тревогу было достаточно: Евгений сильно побледнел и осунулся. Кожа на лице высохла, обветрилась, покрылась сеткой микроскопических трещин и морщин. Он уже несколько дней не брился, и лишь медленный рост щетины не позволял ему окончательно растерять внешнее благообразие. Глаза у Евгения носили следы многих бессонных ночей.

- Я вижу, что что-то не так.

- Да.

Евгений принялся шарить у себя в карманах, ища папиросы. Потом с надеждой посмотрел на доктора.

- Не курю, - виновато отозвался тот.

- Итак, - продолжил Беннетт, скрестив пальцы на столе и сосредоточенно глядя Евгению в глаза. - Прошу: если вам есть, что рассказать, поделитесь со мной.

- Я сделал, как вы посоветовали.

И Евгений рассказал доктору обо всем, что произошло после их первой встречи. О том, как встретил Ника и как начал играть в игру под впечатлением от странного сна. Рассказал об удивительном эффекте, производимом игрой и о состоянии, в которое погрузил его Мсье Фантазм и которое, как черная туча окутывает его с головы до ног уже третий месяц.

В последние недели с Евгением творилось что-то совершенно чудовищное. Он совсем перестал спать, если не считать тех периодов, когда изможденное сознание, не выдержав, ненадолго отключалось. При этом не было ни сновидений, ни малейшего оздоровления. Бессонница до такой степени искажила работу мозга, что временами Евгений терял связь с реальностью и начинал галлюцинировать. Ему мерещились ползучие, бесформенные тени, зловещие фигуры, выступающие из мрака. Это не было похоже на образы, которые являлись ему во время игры: слишком муторные, слишком грязные и гораздо более пугающие. Иногда эти призраки как будто чего-то требовали от него: например, снять с себя всю одежду или сжечь все свои стихи. Очнувшись однажды утром, Евгений почувствовал едкий, висящий в воздухе дым и увидел на прожженном ковре кучу бумажного пепла. Потом как-то раз он вышел из дома и только по неприятным ощущениям понял, что забыл надеть ботинки. Но самым невыносимым и жутким было ощущение, что некий невидимый наблюдатель следит за каждым его шагом и вро-

де бы даже играет с ним, как кошка с пойманной мышью.

– Вы не пробовали написать об этом отцу? – спросил доктор.

Евгений помотал головой.

– Он не поймет. Подумает... Я не хочу перед ним позориться.

– Евгений, – доктор Беннетт смотрел на него с почти отеческим участием. – Мне нужно знать правду, и вам совершенно нечего от меня таить. Скажите: вам не давали там употреблять какие-то... химические препараты?

– Нет.

– Значит, дело только в гипнозе?

– Да.

Евгений горестно потупил взор.

– Я не так уж сильно боюсь смерти. Я это уже давно для себя решил... В конце концов, если все окружающее только иллюзия... Но я боюсь падения, которое со мной происходит. Вы...

– Простите, – прошептал доктор Беннетт. – Я не мог знать, что все так обернется.

– Вы не виноваты.

– Но все же! Это не могут быть последствия гипнотического транса! Бывает, что, очнувшись от гипноза, человек испытывает утомление, тревогу, даже иногда теряет сознание. Но все это быстро проходит.

Евгений глядел на доктора и впервые видел перед собой

не опытного специалиста, а человека, пребывающего в глубокой растерянности.

– Я хотел бы рассказать вам, что со мной случилось этой ночью, – тихо промолвил Евгений.

– Да, конечно.

– Этой ночью я впервые по-настоящему уснул. И мне... кое-что приснилось.

– Что же?

Евгений мешкал, чувствуя, что не может сказать правду. Не может, потому что перед ним сидит доктор Беннетт. Такие вещи нельзя рассказывать даже своему психологу.

– Что вам приснилось, Евгений? – доктор словно ожидал услышать из его уст страшную тайну.

– Демон.

– Демон?

– Да. Он зашел ко мне в комнату.

– И?

Евгений снова почувствовал, что не может выдать ни слова.

– Он был в человеческом облике?

– Н-нет. Просто чудовище. Вроде химер на башнях Нотр-Дама. И он... говорил со мной.

– О чем?

– Я... – Евгений шумно выдохнул. – Я уже не помню. О чем-то ужасном.

Доктор Беннетт тоже тяжело вздохнул, в глубокой печали

и раздумьях уведя куда-то свой мудрый взгляд.

– Вам необходимо лечение. К сожалению, я не являюсь дипломированным психиатром. Я не могу назначить вам курс.

– Понимаю.

Евгений медленно поднялся и, несмотря на предложение доктора остаться и побеседовать еще, направился к выходу.

Евгений солгал. Минувшей ночью к нему не приходили демоны, во всяком случае, в облике крылатых чудищ с рогами.

Этой ночью, Евгений, выплакав все слезы, лежал в своей темной комнате, разглядывая проступающие на потолке серые пятна. Внезапно ему почудилось, что что-то большое и черное промелькнуло по стене и спряталось в темном углу. Сердце охватил дикий страх. Евгений чувствовал, что незримый наблюдатель утратил стеснение и начинает играть в открытую.

Он вдруг понял, что самое безопасное место в комнате – это рядом с окном. Там светлее, оттуда можно будет в крайнем случае выпрыгнуть, имея шансы остаться в живых. Собрав волю в кулак, Евгений заставил себя подняться и подойти к незашторенному окну.

Черная и сырая апрельская Москва тоскливо подмигивала ему единственным видневшимся из окна фонарем. По стеклу мелко и зло барабанил дождь.

Чтобы одновременно быть рядом с окном и не стоять спи-

ной к враждебной темноте Евгений решил присесть на подоконник.

Едва он повернулся назад...

– Евгений!

Позади него, сливаясь с мраком комнаты, стояла высокая человеческая фигура в черном, словно сотканном из какого-то дымчатого вещества одеянии. Ее лицо было бледно. Страшные глаза ни то отражали, ни то сами излучали холодный голубоватый свет.

Еще перед тем как вскрикнуть от ужаса, едва начав открывать рот, Евгений отчетливо понял, что, во-первых, стоящее перед ним существо не галлюцинация, хотя человеком из плоти и крови оно тоже не было. А во-вторых, что лицо этого существа принадлежит доктору Беннетту.

Да, именно так! Перед ним стоял его добрый знакомый, седовласый ученый из Англии. Только теперь он как будто стал выше. Во взгляде не было ни тепла, ни доброты, а уголки рта, слегка подергиваясь, поднимались вверх.

– Здравствуйте, Евгений. Простите, что напугал. К сожалению, я не мог явиться к вам при свете дня.

Его холодный как вселенная голос пробирал до костей.

– Вы! Как... Как вы сюда...

– Через окно. В бесплотном состоянии пользоваться дверью нет необходимости.

– Господи! Нет, этого не может быть! П-призрак! – Евгений обхватил голову руками и начал бешено трясти ей, пы-

таясь привести себя в чувство. – Это бред! Мне это снится!

– Я не призрак, Евгений. У меня по-прежнему есть тело, просто я отделился от него.

– Как?!

– Магия.

Доктор шагнул вперед, и, несмотря на всю внешнюю химеричность, Евгений почувствовал, что может до него дотронуться.

– Да, вы можете это сделать, – кивнул Беннетт, угадав его мысли. – А знаете, почему? Посмотрите, кто лежит на диване!

Евгений взглянул на диван и увидел там лежащего на измятой простыне под скомканным одеялом самого себя.

– Теперь вы такой же «призрак»! Долгие тренировки у Мсье Фантазма не прошли впустую.

– Невозможно...

– Я был бы рад вам рассказать об этом замечательном искусстве. Но у нас не так много времени. Надо спешить!

– Куда?

Доктор загадочно улыбнулся – совсем не так, как он это делал, будучи человеком.

– На работу.

Евгений заметил, что вместо ночной рубашки его тело окутывают черные дымчатые одеяния.

– Но...

– Дайте руку.

После недолгих колебаний Евгений протянул руку доктору. Беннетт схватил ее своими бесплотными, но в то же время вполне осязаемыми пальцами.

– Все ощущения, которые вы сейчас испытываете, рождаются в вашем воображении. Это иллюзия. Также, как во сне вам кажется, что вы что-то чувствуете, хотя на самом деле не чувствуете ничего.

Доктор невесомо подпрыгнул и вместе с Евгением прямо сквозь оконное стекло вылетел на улицу. У Евгения захватило дух.

– Не бойтесь. Даже если я вас отпущу, вы не упадете. Это наш сон, и законы физики наши верные слуги.

Они летели над ночной Москвой. Совсем не такой яркой и восхитительной, каким Евгению предстал город в мире Мсье Фантазма. Внизу редкими светлячками блекло желтели окна и фонари. Из труб седыми нитями тянулся дым.

– Куда мы летим?

– Вы бывали в Санкт-Петербурге? – доктор вновь заулыбался и, кажется, ускорил полет.

Очень скоро городские огни остались позади. Под ногами раскинулись темные голые поля с белеющими кое-где еще не растаявшими пятнами снега. Потом их сменил непроглядно-черный лесной ковер. Они поднимались все выше, так что землю то и дело стали застилать набегавшие плотным туманом облака. Справа сияла нарождающаяся луна, непривычно большая и ясная. Евгений почти не чувствовал хо-

лода. Будучи человеком, он наверняка продрог бы, но теперь лишь прохладный ветерок приятно трепал волосы на его несуществующей голове.

Грозная человекоподобная тварь на огромных крыльях неслась им наперерез несколькими десятками метров выше. Евгений в ужасе указал на нее пальцем.

– Не могу сказать точно, – задумчиво ответил доктор. – Какой-то демон. Возможно, Инкуб или Кошмар.

– Они существуют?!

– О да. Помните статуи химер на крыше Нотр-Дама? Их делали с натуры.

Евгений не знал, как долго они летели. Быть может, двадцать минут, а, может, два часа. Он был настолько поражен, что почти утратил чувство времени.

В какой-то миг он почувствовал, что земля становится ближе. Опустил взор и разглядел простирающийся на многие километры вокруг спящий город с прямыми, похожими на коридоры улицами и выступающими из моря железных крыш темными громадами соборов. Извилистые каналы отсвечивали под луной, как ломаные стальные клинки.

Это несомненно был Петроград. Беннетт вдруг резко потянул Евгения вниз, и они на головокружительной скорости пронеслись над куполом Казанского собора, так, что Евгений с непривычки начал прощаться с жизнью. Через минуту они уже неспешно плыли в паре метров над землей по пустынной красивой улице, которую почему-то не освещали

потушенные фонари.

Доктор внимательно разглядывал дома.

– Большая Морская, двадцать пять... Ага, вот! – он кивнул в сторону одного из окон на третьем этаже, помеченного, как показалось Евгению, какими-то горящими пылинками. Они влетели внутрь.

Это была старая квартира с высоким потолком и дорогой тяжелой мебелью, внушительно проступающей во мраке. Паркет лоснился от льющегося из окна лунного сияния. За стеклянными дверцами шкафов нежно перемигивался домашний хрусталь. Свет тускло отражался в изгибах латунных дверных ручек, в лепном орнаменте картинных рам и в гладкой поверхности большого обеденного стола, стоящего посреди комнаты. Единственным движущимся предметом в этом застывшем царстве был маятник стальных часов, оглашающих тишину глухим размеренным стуком.

Они беззвучно прошли мимо роскошного трюмо, не отразившись в нем.

– Что мы здесь делаем? – по привычке шепотом спросил Евгений.

– Можете говорить в полный голос, вас никто не услышит. Смотрите...

Шагнув сквозь закрытую дверь, доктор и Евгений вошли в другую комнату и очутились перед широкой кроватью, скрытой от глаз тяжелым, спускающимся с потолка балдахином. Евгений слышал слабый храп, доносящийся из постели, и

вдруг почувствовал, что ничего доброго здесь ожидать не стоит.

Через секунду храп оборвался. Послышалось тревожное ерзанье и шелест одеяла. Евгений вопросительно взглянул на доктора.

– Смотрите...

Вскоре полог отодвинулся, и из-за него выглянула угрюмая носатая старуха лет семидесяти в белом чепце.

Она долго со страхом всматривалась в темноту, чувствуя, но определенно не видя своих гостей. Потом мелко перекрестилась морщинистой рукой и, что-то проворчав, задвинула полог.

– Она думает, что мы привидения, – с ухмылкой сказал доктор. – Но нет... Мы кое-что похуже.

– Что вы собираетесь с нею сделать?

Беннетт взял Евгения за плечо и отвел обратно в гостиную.

– Я вам кое-что расскажу. Присядьте.

Они сели за обеденный стол. В лунном свете призрачное лицо доктора казалось еще более инфернальным и злоеющим. Евгений подумал, что, должно быть, это и есть настоящее лицо его души, с которой ненадолго сняли маску плоти.

– Как вы уже поняли, я не совсем обычный человек.

– Да.

– И вряд ли у вас еще есть сомнения в существовании волшебства.

– Да. Но...

Доктор мягким жестом приказал Евгению молчать.

– Я исследователь. Не буду подробно рассказывать о предмете моих изысканий, хотя это очень интересная тема... Из всех искусств магии, по-настоящему близким мне оказалось искусство подчинения астральных тел. Астральное тело – это то, в чем мы прибываем сейчас: промежуточная ступень между материей и душой. Я изучал астрал в течение многих лет. Не так давно я сделал потрясающее открытие и нашел ему выгодное применение. Я изобрел самый совершенный способ наложения проклятий! Хотя определение «проклятие» не совсем корректно. Проклятие в привычном смысле слова – это ритуал, либо заклинание, нацеленное против другого человека, поток темной энергии, обращенный главным образом к телу физическому: недомогания, болезни, ранняя старость, проблемы с продолжением рода... То, что изобрел я, правильнее называть «морок». В русском языке есть выражение «морочить голову», то есть внушать человеку какие-то вредные мысли. Я научился закладывать в сознание спящим людям идеи, которые вводят их в соблазн, подчиняют их волю, заставляют действовать себе во вред и, в конечном счете, приводят их к печальному концу. Причем за считанные дни! Вы человек далекий от магии, едва ли вы сможете это оценить. Если б вы знали, насколько данный метод превосходит все существующие! Это совершенно безотказный механизм, настоящий револьвер среди крем-

невых пистолетов! – доктор Беннетт светился самодовольством. Так наверно сиял бы Евгений, если бы написал собственного «Онегина».

– Мне жаль, – продолжал доктор. – Если все, о чем я сейчас говорю, оскорбляет ваши моральные принципы. Я ничего не убиваю, Евгений! Нет! Я лишь закладываю идеи. Все остальное эти люди делают сами.

– Но... зачем? – спросил Евгений, хотя ответ сам стучался в дверь.

– Это отличный источник дохода. Те, кто готов платить бешенные деньги наемным убийцам, чтобы расправиться с ненавистным человеком, заплатят вдвое, втрое больше, чтобы посмотреть, как этот человек сам загонит себя в могилу. И к тому же это совершенно безопасно. Я мечтал заняться этим еще на родине. Но... хм-хм! Я быстро убедился, насколько слаженно работают гончие псы оккультного отдела. Если б я начал это делать там, меня бы вычислили за неделю, а еще через неделю закрыли бы мне глаза. И тогда я устремил взгляд на восток, в прекрасную страну возможностей, которая меня всегда манила. В страну, где представления о магии застыли глубоко в средних веках, где до сих пор отказываются от европейской градации проклятий и заговоров.

– Вы хотите проклясть эту женщину?

– Да, – решительно кивнул доктор.

– А зачем вам понадобился я?

Беннетт вздохнул и побарабанил по столу пальцами, не

зная, как поделикатней донести свою мысль.

– Я сказал, что «морок» самый совершенный способ разрушения судеб. Но есть один нюанс. Как и любое проклятие, внушение враждебных мыслей неизбежно бьет рикошетом по автору проклятия. Это не значит, что, прокляв кого-то, я тем самым проклинаяю сам себя. Риск совершенно ничтожный. Но если проклясть не одного, не двух, а сотню человек, то это уже опасно. Я имею в виду, что... в общем, мне нужен медиум. Человек, исполняющий роль живого щита.

– То есть, вы заставите меня жертвовать собой ради вашего предприятия?

Евгений почувствовал, как к его лицу приливает несуществующая кровь. Внутри вулканической лавой стала подниматься ненависть.

– Конечно же нет. Я не бандит и не рабовладелец. У меня к вам деловое предложение. Вы примете на себя десять проклятий, а взамен – Евгений, я знаю о вашей беде – вы снова сможете спать. У вас больше никогда не будет бессонницы, я гарантирую это!

– Вы...

– Но это еще не все! – доктор весело поднял палец. – Я сознаю свою ответственность за вашу дальнейшую жизнь – в конце концов, ведь это я вложил вам в голову направляющую идею со всеми последствиями. И поэтому, мой юный друг, пятнадцать процентов от каждого гонорара будут переводиться на ваш банковский счет. Если у вас его до сих пор

нет – не беда, я обо всем позабочусь. Этих денег вам хватит и на учебу, и на лечение, и на кругосветное путешествие.

– Вы...

– Да, единственное условие: получить их можно будет только по окончании действия договора. Ну как, вы согласны?

Губы Беннетта растянулись в широкой, слащавой улыбке. Глаза упоенно смотрели из-под полуприкрытых век.

– Идите к черту, – тихо и жестко произнес Евгений.

– Это не убийство!

– Еще хуже!

– Евгений, я искренне хочу вам помочь.

– Вы палач! Сейчас же отправьте меня домой, я вас знать не желаю!

– Евгений! – Беннетт предостерегающе погрозил пальцем. – Я не смею вас заставлять, но поймите меня правильно: у вас нет шансов самостоятельно победить бессонницу. Вы тяжело больны, Евгений. Пройдет две-три недели, и вы просто уже не сможете заснуть. Я знаю, как это происходит. Вам не помогут никакие снотворные средства. Ваш организм не выдержит, и вы погибнете. И перед этим вероятно сойдете с ума.

Евгений глядел на Беннетта, в ярости стиснув зубы.

– Да, это непростой выбор, я знаю. Но даже если судить с точки зрения справедливости, вся вина лежит на мне. Вы жертва! Вы совершенно чисты перед собой и перед богом.

Евгений вновь почувствовал раздирающую боль в глазах, от которой уже успел отвыкнуть. Кажется, боль ему внушал доктор. Он тут же вспомнил, каково это изо дня в день жить без сна.

– Ну так что же?

– Я не знаю.

– Соглашайтесь. Это единственный путь.

Откуда ни возьмись на столе возникли ярко-белые листы бумаги с текстом договора и остро наточенное гусиное перо.

– Я не могу пригласить сюда юриста, но клянусь вам: в этом договоре все именно так, как я описал. Можете ознакомиться.

Евгений начал ползать глазами по строкам. Бумага сияла так, что света не требовалось. Доктор читал вместе с ним и иногда заботливо указывал на важные пункты. Из текста следовало, что господин Цветков (далее именуемый «Медиумом») будет оказывать помощь «Магу» в процессах создания, преобразования и вычленения тех или иных сновидений в сознании спящих людей, далее именуемых «жертвами». Обязанность «Медиума» состоит в принятии и полном поглощении «эха проклятия».

– Обратите внимание! – важно заметил Беннетт. – «В случае сознательного нарушения, либо недолжного исполнения условий контракта, виновная сторона понесет наказание в соответствии с Непреложным Кордхибраном». Иными словами, мне, как и вам грозит суровая кара, вплоть до лише-

ния жизни.

– А кто проследит за тем, чтобы условия неукоснительно соблюдались? – мрачно спросил Евгений. – Кто над нами стоит? Мы ведь вне закона.

– Волшебный контракт имеет собственный Эгрегор. Это очень сильная и опасная вещь. Как только мы его заключим, он станет нашим судьей, надсмотрщиком и, если придется, мечом возмездия.

У Евгения не было никаких причин верить тому, что говорил Беннетт. Возможно, все это сплошной обман, и текст договора будет меняться по желанию доктора. Быть может, это вообще не договор. Так или иначе, выбора не было. Как бы сомнительно и страшно не звучало предложение, в том, что без волшебного исцеления бессонница его убьет, Евгений не сомневался.

Когда текст был полностью прочитан, Евгений содрогаясь от отвращения к себе медленно взял протянутое доктором перо. Он уже понял, почему на столе нет чернильницы, и ждал, что Беннетт предложит уколоть палец.

– Распишитесь вот здесь.

– Кровью? Но ведь мы же бесплотны...

– Все в порядке, это перо знает, где искать кровь. Прошу!

Евгений сделал росчерк, и на бумаге появилось кровавое «Евг» с причудливой завитушкой. В тот же миг левую ладонь окатила мгновенная режущая боль.

Доктор тоже поставил подпись и, шикнув, встряхнул ру-

кой.

– Сам ненавижу это делать! – вздохнул он.

Договор и перо мигом растаяли в воздухе.

– Итак, коллега, приступим! – доктор деловито поднялся из-за стола. – Кстати, я совсем забыл – знаете, кто поручил мне м-м... позаботиться об этой даме?

– Кто?

– Ее родной сын! Она сломала жизнь его возлюбленной. Это очень мрачная история.

В душе у Евгения несколько прояснилось. Скорее всего доктор говорил правду – значит, первая жертва не так уж безвинна.

Они снова проникли в спальню. Прошли сквозь балдахин и очутились у постели. Лежащая под одеялом старуха была похожа на древнюю мумию. Ее маленькое лицо было желтоватого цвета и казалось грязным пятном на фоне белоснежного белья. Чуть приоткрытый беззубый, провалившийся рот напоминал вход в пещеру и издавал мерзкие звуки.

Доктор склонился над спящей, внимательно изучая ее цепкими глазами стервятника. Прикоснулся пальцами ко лбу, другую руку просунул к сердцу.

Евгений заметил, что пальцы у Беннетта совсем не такие, какие были, когда он имел человеческий облик: костлявые, белые – пальцы скелета, обтянутые мертвой кожей.

Это было по-настоящему жуткое зрелище. Старуха не

просыпалась, но лицо ее начало мученически кривиться. Она шевелила губами, стонала, металась из стороны в сторону. Доктор с напряженным азартом продолжал препарировать ее взглядом и, кажется, даже испытывал удовольствие.

– Страхи, страхи, – шептал он себе под нос. – Все как я ожидал. Где же оно? Где желание? Покажи мне!

Он глянул на Евгения пылающим голубым глазом.

– А теперь, мой слепой конь – извините, это шутка – ваш черед!

Евгений хотел спросить, при чем тут слепой конь, но доктор уже подтянул его к себе за руку.

В тот же миг глаза старухи широко раскрылись. Она продолжала спать, зрачки страшно заваливались под верхние веки, обнажая красноватые белки.

– Просто смотрите, не отрываясь, ей в глаза. Остальное сделаю я.

Евгений почувствовал, как доктор передает ему свою энергию. Они словно срослись, превратились в единое целое. Евгений взглянул в затянутые пеленой глаза несчастной женщины, и из его глаз вырвались потоки ярчайшего белого света. Зрачки жертвы вернулись на место и сузились до размеров двух черных точек.

Он снова куда-то неся, только теперь видение было совершенно бессмысленным и, очевидно, понятным только доктору. Что-то похожее на паутину. Яркое пламя. Созвездия. Серая птица. Маленький стеклянный пузырек с нари-

сованными на этикетке черепом и костями.

Когда все закончилось, старуха снова лежала неподвижно, смиренно закрыв глаза, как будто уже готовая отойти в мир иной. Доктор Беннетт быстро начертил что-то пальцем в воздухе, и в изголовье кровати ярким фосфорическим светом вспыхнул замысловатый символ. Через несколько секунд он полностью померк.

– Ну вот и все! – ободряюще промолвил доктор.

Евгений понимал, насколько глуп и ничтожен этот вопрос, но все же задал его:

– Я могу надеяться, что все другие жерт... люди будут так же грешны, как эта?

– Я не знаю, Евгений. Святых среди них точно нет, можете мне поверить. Выше голову! Вы уже заработали двести рублей!

Евгений чувствовал, что сказать ему больше нечего. Но упоминание денег с новой силой всколыхнуло в нем ненависть к Беннетту и презрение к себе. Он попытался ответить доктору испепеляющим взглядом, постарался сжечь его, как когда-то в детстве сжег муравья увеличительным стеклом.

– Я кажусь вам чудовищем, – Беннетт грустно вздохнул, но глаза его вдруг повеселели. – Но знаете... я не уйду от своих профессиональных обязательств!

– О чем это вы?

– Вы просили меня о помощи, тогда в декабре? Хотели, чтобы я указал вам путь, зажег для вас маяк, помните? И

я это сделал! Теперь вы научились ценить *свою* жизнь, *свое* здоровье и *свою* свободу! И никакая страна, никакая война вас уже так сильно не тревожат, верно?

Евгений молчал.

– Вы еще вспомните это, как славное приключение и как хороший урок! Однако... начинает светать.

Евгений подумал, что сейчас они полетят домой, но Беннетт просто похлопал его по плечу и пожелал крепко выспаться.

Евгений проснулся, как будто вынырнул из голубого теплого моря. Было позднее утро. Он сладко потянулся и вдруг понял, что впервые за много недель спал по-настоящему. Голова была чуть тяжеловата, тело млело, преодолевая нежную скованность. Глаза продолжали болеть, но это был пустяк!

Он широко зевнул и с интересом пролистал в памяти сон, который только что видел: ночной полет, призрак доктора, спящая старуха – что только не привидится на больную голову!

«Да», – подумал Евгений. – «Доктор Беннетт – вот к нему и надо идти!»

Уже спустя пару минут, оставленное сном блаженство испарилось без следа, уступив место привычной тяжести и одиночеству. Он снова чувствовал себя больным. К этому прибавилось еще и осознание глубины своего падения. С брезгливостью оглядывал Евгений свое давно нестиранное постельное белье, небранную комнату. Заметил на ковре след

от костра, который разжег в припадке безумия.

«Господи, надо как-то это спрятать до приезда хозяев!»

Желудок стонал от голода. Кости ломило.

Когда Евгений сжал в кулак левую руку, что-то несильно кольнуло его ладонь. Там было несколько странного вида царапин, оставленных неизвестным предметом.

Сны и явь

С тех пор ночь стала для Евгения второй, протекающей параллельно жизнью. Раз или два в месяц к нему прилетал доктор Беннетт, и они с видом чиновников, идущих на службу, отправлялись ломать чужие судьбы. Они бывали в далеких городах, заглядывали в глаза разным людям: биржевому спекулянту, продажному юристу, богатому наследнику – любителю женщин. Евгений успокаивал себя мыслью, что хороший человек не может иметь врагов, желающих его проклясть.

Теперь Евгений снова мог спать. Правда, сон был по-настоящему крепок лишь в те ночи, когда он помогал доктору. В остальное время бессонница продолжалась, хотя, конечно же, не в такой страшной форме, как прежде. Засыпая в три и вставая в семь, Евгений тащился в университет, где распинался под грозными взглядами профессоров и удивлял сокурсников полной безучастностью к политическим прениям, которые теперь сотрясали воздух в каждом коридоре. Евге-

ний, и правда, утратил всякий интерес к политике. После того, что он пережил, грызня верхов и брожение внизу вызывали больше отвращение, чем страх. Было как-то странно мучиться из-за таких условностей, как страна, человечество, война и смута, если живешь двумя жизнями вместо одной.

Парадокс этой новой двойной жизни состоял в том, что ее нельзя было ни доказать, ни опровергнуть. Евгений помнил каждое свое ночноехождение, помнил, что говорил и как себя вел доктор Беннетт. При этом когда он приходил к доктору днем, это был совершенно другой человек: добрый чтец людских душ, понятия не имеющий об астрале и проклятиях. Евгений описывал доктору свои сны, надеясь разглядеть в его глазах лукавый огонек или хотя бы проблеск тревоги. Но Беннетт не давал себя разоблачить. Он играл так, как вероятно не сыграл бы профессиональный актер, и каждый раз Евгений уходил от него с мыслью, что принимаемые за правду сны – это начало захватывающей истории под названием «шизофрения». Правда порой его бросало в другую крайность, и тогда он еле сдерживался, чтобы не сказать в лицо доктору: «Я знаю, кто вы!» Но он тут же вспоминал, что умение владеть собой – последний гвоздь, на котором держится здравый рассудок.

Как-то раз Евгений проснулся, умылся, и без завтрака вышел из дома в палящий июльский зной. Солнце жгло так, будто дело происходило в Индии. К этому прибавлялся вполне себе индийский хаос, царящий на улицах. На мо-

стовой гнусно желтел конский навоз, среди которого развились и пировали беззаботные воробьи. Кругом валялись окурки, солома, подсолнуховая лузга. Уже седьмой день бастовали дворники. Бывшие безмолвные метельщики улиц теперь праздно слонялись, приставали к женщинам и беззастенчиво плевали семечками на презренный тротуар.

Евгений шел по Спиридоньевской, щурясь и скаля зубы от надоедливых лучей. Проходя мимо церкви, он резко прибавил шаг, словно один взгляд на храм чудотворца Спиридона обжигал ему глаза.

Это было первое в его жизни лето, когда он почти с нетерпением ждал осенних холодов. То ли потому что жара и духота в сочетании с хамством и дуростью были особенно невыносимы, то ли спускающаяся во мрак душа не хотела видеть вокруг себя ничего, кроме умирания.

Доктор Беннетт уже три недели был в отъезде, и Евгений чувствовал странную пустоту и бессмысленность своего существования. Это было нелепо, учитывая характер его отношений с доктором и той работы, которой они вместе занимались. Ему было страшно признать, но Беннетт действительно занял в его жизни особое место. Он стал Евгению ближе, чем отец и мать, ближе, чем все его друзья. Такая близость, должно быть, возникает между людьми, презиращими друг друга, но оказавшимися в одной лодке посреди океана.

Извозчик давно уже был не по карману. Подойдя к трамвайной станции, где плотной кучей столпились шумные ба-

бы, мужчины с мешками и нагловатые солдаты, Евгений от нечего делать стал разглядывать обвешанный журналами и открытками киоск.

Почти всюду карикатуры. Вот Распутин лапает бывшую императрицу за грудь волосатой рукой. Вот Керенский, истекая потом, тянет за веревку упрямого осла. Вот капиталист в ужасе задергивает шторы, чтобы не видеть красную зарю.

Одна картинка резко выбивалась из общего смыслового фона. Это была карикатура прошлых времен: ухмыляющийся русский солдат дает лихого пинка перепуганному кайзеру.

«Неужели кто-то еще верит в победу?» – подумал Евгений.

Пару лет назад такие карикатуры пестрели на каждом шагу. Что изумляло: русский солдат почти всегда изображался в виде разудалой деревенщины, ухаря с похабными, шальными глазами. Он порол немцев ремнем, гонялся за ними с нагайкой, щелкал по носу, заставляя плясать гопак. Можно ли выиграть войну, презирая своих героев? Ответ был очевиден с самого начала.

Трамвай, забитый до отказа потной толпой, кое-как дотащил Евгения до нужного места и даже позволил ему выбраться наружу, не потеряв портфель и кошелек.

Еще идя по коридору, Евгений услышал, грохочущий из-за двери, вдохновленный голос Зауера и лихорадочное, как пулеметная стрельба щелканье печатной машинки.

Главный редактор «Задиры», стуча каблуками, расхаживает

вал из угла в угол. Его левая рука была заложена за спину, в пальцах правой тлела сигара. Голова слегка запрокинута, в глазах огонь.

Калик, отдуваясь и щуря глаза, с головокружительной скоростью печатал под диктовку текст статьи.

– Речь сейчас не о том, что русский солдат – всего лишь мужик, которому сбрили бороду и вместо лаптей надели сапоги. Не о том, что народ наш, никогда в своей уродливой истории не знавший свободы, вдруг получил ее прямо в зубы. И даже не о том, что наш главнокомандующий на коленях умолял войска идти в атаку, чтобы выбить у врага мир на менее постыдных условиях – Да, Женя, секунду! – Речь идет о том, что величайшая армия Европы на глазах превращается в озверелую орду... Нет! Стадо! В озверелое стадо убийц, насильников и воров! Можешь передохнуть!

– Привет! – он повернулся к Евгению, шумно втягивая ноздрями воздух. – Ну что, готово?

Евгений раскрыл портфель и протянул Зауеру свой последний стих.

– Так, так, – Зауер, не присаживаясь, начал бегло изучать текст.

Евгений переступал с ноги на ногу, с полным равнодушием ожидая вердикта и все больше скашивая глаза на редакторский стол. Там по краю чашки с остатками кофе безнаказанно ползала жирная черная муха.

– Нет, это не годится!

Зауер вернул бумаги так, словно держать их ему было физически больно.

– Что за мягкость!

– Но...

– Доработать!

Евгений мрачно почесал висок.

– Я могу хотя бы знать, где я допустил промашку?

– Везде! Общий тон стихотворения слишком добрый! Ты сатирик или моя бабушка?

– Я как могу стараюсь быть колким, но... у нас же вроде не приветствуются ругательства?

Зауер схватился за лоб.

– Дьявол, разве я говорю что-то о ругательствах? Нет, конечно, матерщина под запретом, безусловно! – он взял со стола какую-то вырезку. – Вот: «Кто георгиевскую ленту дал в подарок сволоте? Вас призвать пора к ответу, всыпать каждому плетей! Ну людишки, ну народец – изумляться нету сил! Каждый маленький уродец Бонапартом стать решил!» Какой жар, какая злость! А у тебя, что? «Эх, Россия, что станет с тобою...» Что за юродство, Женя? Переделывай!

Евгений хотел попрощаться и уйти, но вдруг выдал нечто совершенно неожиданное и для Зауера, и для самого себя:

– Я просто думаю, что...

– Да?

– Что если мы, играя со спичками, случайно спалим собственный дом?

Зауер несколько секунд с брезгливым недоумением смотрел на Евгения, потом вдруг фыркнул и насмешливо закивал головой.

– Понимаю, понимаю! Не ты первый!

Он метнул требовательный взгляд на Калика.

– Лично я за распад империи, – мягко промолвил Калик, пожав своими узкими женскими плечами.

– Видишь! Похоже, наши пути расходятся! Я, конечно, не сторонник смуты, но... Женюр, относись к работе, как к работе, или я начну искать нового поэта.

– Да. Извини.

– Ты свободен.

Выйдя из редакции, Евгений «позавтракал» купленным у старухи яблоком и, зевая, побрел домой. Ему казалось, он идет по какой-то бесконечной натопленной бане. Солнце, издаваясь, продолжало пылать в бездонной синеве, высушивая глаза и оскверняя тело.

Где-то далеко шумел митинг.

На бульваре смуглолицый человек в белом тюрбане заставлял ручную обезьяну плясать под смех и свист двоих бездельников-солдат.

«Азия...»

Где-то в глубине души Евгений понял, что вряд ли снова вернется в «Задиру».

Особняк

Из мрака соткался знакомый силуэт.

– Доброй ночи, Евгений.

– Здравствуйте, – Евгений нехотя оставил свое сопящее на краю дивана тело. – Вы уже вернулись?

– О нет. Я все еще там.

Они вылетели в теплую, безветренную ночь. Евгений уже достаточно хорошо умел передвигаться в воздухе и даже, к своему стыду, начинал этим гордиться.

– Кого вам поручили проклясть на этот раз? – спросил Евгений так презрительно, как только мог.

Обычно доктор сам заговаривал о намеченной жертве, но сейчас он почему-то молчал.

– Мы не будем сегодня никого проклипать. Я хочу, чтобы вы м-м... кое-что для меня сделали.

– Это указано в договоре?

– Да... там есть упоминание. Я щедро оплачу ваш труд, не сомневайтесь.

Евгению было плевать на деньги. Вот если бы это задание заменяло, а не дополняло предстоящие убийства! А вдруг его ждет что-то еще более ужасное?

– Что за работа?

– Позвольте мне обо всем рассказать на месте. Могу вас заверить, что ничего преступного в ней нет.

Полет оказался неожиданно долгим. Они уже дважды успели бы долететь до Петрограда. Внизу несколько раз гро-

мыхали артиллерийские залпы, и мерцали оранжевые сполохи.

– Вам интересно? Мы можем спуститься, – предложил доктор.

Евгений никогда еще не видел настоящей войны. С высоты голубиноного полета он разглядел сотни черных людей, карабкающихся сквозь паутину заграждений в кровавом пятне осветительной ракеты. Они, вопя, лезли друг на друга, застревали в проволоке, словно какие-то глупые, несчастные насекомые. То тут, то там грязными кляксами разрывались мины, яростно барабанил пулемет.

– Кто это? – спросил Евгений с ужасом. – Это наши?

– Нет. Похожи на французов. Бедные ребята...

«Неужели мы так далеко от дома!» – подумал Евгений.

Они продолжили путь, и Евгений был рад, когда земля скрылась под низким покровом облаков.

Через некоторое время доктор повел его вниз. Они вынырнули из тумана, и Евгений увидел черные холмы, усеянные редкими огоньками.

– Добро пожаловать! – гордо улыбнулся доктор Беннетт.

Они подлетали к небольшому скоплению огней, которое видимо было деревней или маленьким городом.

Извилистая мощеная дорога шла вдоль уютных каменных коттеджей с черепичными крышами, напоминающих иллюстрацию к детской книжке европейских сказок.

Доктор привел Евгения к трехэтажному дому, сильно уви-

тому плющом с одной стороны, вход в который озарял висевший над дверью электрический фонарь. Рядом, посреди улицы стоял крытый экипаж со сгружающим на козлах кучером в клетчатой кепке.

Беннетт провел Евгения внутрь, но не через окно, как обычно, а через входную дверь.

Это была гостиница. За дубовой стойкой позевывал долговязый мальчишка с прилизанными волосами. Какой-то седосый господин читал в кресле газету.

Они пролетели по лестнице на второй этаж и оказались в тускло освещенном коридоре с несколькими пронумерованными дверями с той и с другой стороны.

– Прошу подождать, – сказал доктор и скрылся за дверью.

В комнате послышался шорох. Через пять минут дверь открылась, и перед Евгением предстал доктор Беннетт уже в своем настоящем физическом облики. Он был одет в дорогой фракный костюм и пах хорошими духами.

Судя по всему, воплотил он видел Евгения ничуть не хуже, чем будучи вне тела.

– Идемте, Евгений!

Доктор в сопровождении призрачного Евгения спустился на первый этаж и, попрощавшись по-английски с мальчишкой-администратором, вышел из гостиницы.

Как только Беннетт появился на улице, кучер экипажа оживился и приветливо поднял кепку.

– Добрый вечер, сэр! Куда прикажете везти?

– Добрый вечер. Вы знаете, где находится разрушенный мост?

– Конечно, сэр.

– Отвезите меня к нему.

Брови на лице кучера недоуменно съехались к переносице.

– Может, вы хотите, чтобы я довез вас до Ханли-Касл в двух милях севернее?

– Нет, дружище, – улыбнулся доктор. – Пожалуйста, отвезите меня к разрушенному мосту.

Кучер ошалело смотрел то на лицо Беннетта, то на его фрак, видимо полагая, что клиент пьян или находится не в себе.

– К самому мосту?

– Именно так.

– Хорошо, сэр. Но если вы там собираетесь кого-то встретить, я могу...

– Нет, мой друг. Я вам очень признателен, но прошу, сделайте, как я сказал, и возвращайтесь в деревню.

– Да, сэр.

Доктор сел в экипаж, раздался шелчок кнута, и они медленно покатали по сонной улочке во мрак. Евгений плыл следом.

Бережно обсаженная кустарником дорога едва зернилась сквозь чернильно-синюю ночную мглу. На небе не было ни луны, ни звезд. Вокруг на мили простирались зреющие поля

и скошенные луга с редкими вереницами черных деревьев.

«Лучшее время для призраков!» – думал Евгений.

Ему представилась плывущая над дорогой полупрозрачная дама в платье Георгианской эпохи или рыцарь в дымчатых латах, несущий в руке собственную голову. Евгению ни разу не приходила мысль спросить у доктора про настоящих приведений. А также про демонов и прочих обитателей потустороннего мира, о которых Беннетт наверняка с удовольствием рассказал бы много интересного. А зря...

Дорога постепенно уводила в сторону реки. Экипаж какое-то время ехал вдоль крутого берега, мимо корявых деревьев, сплошь облепленных косматыми шапками вороньих гнезд.

Впереди до жути неестественно проступили очертания разрушенного каменного моста. Кучер потянул вожжи.

– Благодарю! – доктор вручил кучеру деньги и бодро махнул на прощание рукой.

Когда цоканье копыт окончательно утонуло в ночном пении кузнечиков, Беннетт подозвал к себе Евгения, и они вместе направились к мосту. Кругом не было ни домов, ни даже далеких огней. Лишь на другом берегу стояла мрачная громада старого и явно заброшенного особняка.

Евгений представил, какие мысли бродили в голове у кучера, оставившего своего пассажира в таком месте ночью, да еще во фрачном костюме.

– Этот мост чинили не один раз, и он все равно прова-

ливался, – рассказывал доктор Беннетт. – В конце концов, решили, что здесь какая-то особенная почва. Хотя причина, конечно же, не в этом, а в том, что мост связывал особняк с большой дорогой, по которой то и дело ездят любопытные местные жители.

Они дошли до моста, и доктор смело двинулся прямо к каменному обрыву.

Евгений сделал предостерегающий жест, на миг забыв, что за человек перед ним. Но доктор уже шагнул в пропасть. Мелькнула зеленая вспышка, и на другом берегу Евгению помахал рукой черный силуэт в белеющей манишке.

– Портал, – объяснил Беннетт, когда Евгений настиг его на пути к особняку.

– Зачем мы здесь?

Доктор остановился у ворот ажурной ограды, за которой простиралось то, что когда-то было садом.

– Мне нужно, чтобы вы вернули мне одну вещь, которая находится в этом доме.

– Почему вы сами этого не сделаете? Он же заброшен. Или...

– Он не заброшен, это иллюзия. Разве я стал бы так одеваться ради похода в заброшенный дом?

Евгений еще раз с недоверием посмотрел в угольно-черные глазницы окон, многие из которых были выбиты.

– И что я должен забрать оттуда?

– Медальон.

– Но я же не смогу его даже поднять!

– Да, я неточно выразился. Речь не о самом медальоне. Вы не сможете его взять, но сможете унести с собой некоторое количество энергии, заключенной в нем. Ваше тело временно станет носителем Эгрегора.

– Это не...

– Совершенно безопасно.

– Где он лежит?

– Библиотека, пятый шкаф справа, шестая полка. Там нет книг. Он будет лежать в деревянном открытом футляре. Янтарный медальон с изображением черного жука. Дотроньтесь до него рукой и произнесите: «Доминус».

– «Доминус»?

– Да. Вы изучали латынь?

– Плохо.

– Вы как-то должны запомнить это слово. «Доминус» – это пароль.

– Запомнил. Пятый шкаф справа, шестая полка.

– Верно.

– Вы это знаете, потому что уже бывали здесь?

– Да. Только вчера я прилетал сюда на разведку.

– А почему... – Евгений почувствовал резкий укол тревожного подозрения. – Почему вы сами не можете забрать его? Это опасно?

– Нет, не поэтому. Как видите, я собираюсь войти в этот дом вместе с вами. Хотя вы невидимы, там могут быть те, кто

способен видеть астральные тела. Я хочу вам помочь, Евгений. Отвлечь их внимание.

Они направились через сад к дверям особняка. У самых ступеней Беннетт остановился, чтобы еще раз удостовериться в безупречной памяти своего «коллеги».

Евгений чувствовал, что должен задать этот вопрос.

– Вы обещали, что мне не придется совершать преступлений.

– Да.

– Но это кража, не так ли?

– Нет. Это моя собственность, которую кое-кто из местной публики присвоил бесчестным образом.

– Украл?

Беннетт замешкался с ответом, и вдруг смущенно поджал нижнюю губу, на какой-то миг напомнив пристыженного подростка.

– У вас его украли?

– Не совсем... Но, когда тебя жульнически обыгрывают в вист, это равносильно.

Глядя на доктора, Евгений неожиданно для себя презрительно рассмеялся сквозь зубы, прямо как смеялась Альцина над ним самим несколько месяцев назад. В этом не было ни капли наигранности, лишь искреннее злорадство.

– У вас еще будет время потешиться над чужими слабостями. А сейчас пора приступать к делу, – холодно сказал Беннетт с весьма оскорбленным видом.

Он взялся за тяжелое кольцо и дважды стукнул в дверь, так что по дому разнеслось глухое эхо.

Вскоре послышались частые детские шаги, и дверь отворилась. На пороге стоял торжественно одетый карлик в белых чулках с огромной как у гомункула лысой головой, на лбу которой проступали крохотные, чуть прорезающие кожу рожки.

Он угрюмо уставился на доктора и, не произнося ни слова, требовательно вытянул вперед свою маленькую сморщенную ладошку.

– У меня нет пригласительного билета, – виновато вздохнул Беннетт. – Ты не мог бы...

Карлик тут же бесцеремонно захлопнул дверь.

Доктор в изумлении округлил глаза и покачал головой:

– Немыслимо!

Ситуация принимала уже совсем комичный оборот, но, к счастью, до слуха вновь донеслись шаги, на этот раз медленные и тяжелые, сопровождаемые стуком палки.

Дверь распахнулась.

– Приветствую вас, сударь!

Глазам Евгения представился страшный, ссутулившийся, похожий на обезьяний скелет старик в пыльном длинном сюртуке, судорожно опирающийся на деревянную трость.

– Добро пожал... – его изрезанное морщинами, бесстрастное, как у мертвеца лицо вдруг приняло ошарашенное выра-

жение. В тусклых рыбьих глазах заплясал огонек.

– Доктор!

– Здравствуйте, Себастьян!

Дворецкий едва не упал от восторга и начал, радостно кряхтя, пятиться назад.

– Прошу! Извините, сэра – слеповат стал!

Доктор, любезно улыбаясь, вошел в огромный освещенный свечами холл и мельком глянул на зависшего позади Евгения.

– Доктор, мы тут... Хох! Черт подери! Сколько же лет вы у нас не были!

– Не так уж много, всего четыре года.

– Ах, время... – старик вдруг запнулся и метнул яростный взгляд на мрачно продолжавшего стоять рядом карлика.

– Пошел на кухню! Вон! – заорал он визгливым голосом. – Маленький ублюдок, вообразил себя человеком!

– Ничего страшного, мой друг.

– Я ему задам... – он погрозил гомункулу вслед костлявым кулаком, – Хорошо добрались?

– О, да. Меня вез очень заботливый кучер.

– Хех... не рассказывайте! Добрая вы душа, доктор! Небось, все *им* помогаете, а?

Беннетт скромно пожал плечами.

– Они не такие плохие, как вы думаете. Среди них очень много умных, добрых и... – он обратил на Евгения уважительный взгляд. – Тонко чувствующих.

– Навозные черви! – мерзко усмехнулся старик, брызнув слюной. – Пусть вырежут друг друга на своей войне! Зря, вы, доктор, ох зря... Я что их не знаю – хах! Я-то! Э-э-эх, добрая душа, благослови вас сотворитель...

Они направились к дверям, ведущим в зал. Щель между створками озарял яркий электрический свет, внутри слышался женский смех, музыка, выстрелы шампанского.

– У нас сегодня публика, хе-хе, со всех континентов! Даже из Австралии припрыгал один...

Плывя следом за ними, Евгений случайно задел дворецкого, так что тот на миг погрузился в его дымчатое тело. Старик остановился, словно почуял подозрительный запах.

– Что это?

Дворецкий недоуменно огляделся по сторонам, устремил взгляд туда, где висел Евгений. Он вытянул шею и стал рассматривать Евгения в упор, щуря свои омерзительные слепые глаза.

– Что с вами?

– По-моему... тут кто-то есть.

– Вам показалось, Себастьян, – мягко сказал доктор.

– Да нет же! Вы не видите?

– Я ничего не вижу.

– Дьявол! Мне кажется... оно прямо тут передо мной!

Что-то...

Он провел по воздуху жилистой рукой.

– Идемте!

– М-м... Ладно... Полтергейст? Двадцать лет как его изгнали... Черт знает что... Простите, сэр!

Он еще раз опасливо оглянулся, и они вошли в обеденный зал.

Евгений понял, что вовсе не так незаметен, как ему прежде казалось, и решил передвигаться под потолком.

Он свернул в один из коридоров, наугад выбрав путь к библиотеке. Особняк был не просто обитаем, но и содержался в идеальном порядке. Евгений летел мимо отливающих в полутьме холодными огоньками рыцарских доспехов с грозными алебардами. Сквозь массивные двери проник в огромную, похожую на музейный зал комнату, по роскоши значительно превосходящую квартиру старухи в Петрограде. Ни одно из окон за тяжелыми бархатными портьерами не было разбито. На стенах висели великолепные полотна, кажется принадлежащие кистям Франсиско Гойи и Генри Фюзели, а также побитый временем средневековый гобелен. Четырёхъярусная хрустальная люстра спускалась вниз, как перевернутый свадебный торт.

Из этой комнаты Евгений попал в другую, не менее помпезную и таинственную.

Внутренний голос подсказывал, что библиотека должна быть где-то на первом этаже, возможно даже в подвале.

Он пролетел через бильярдную, не без изумления отметив, что хозяева предпочитают русский бильярд.

В галерее он наткнулся на троих ребят лет шестнадца-

ти, одетых в щеголеватые фраки с маргаритками в лацканах. Первый из них возбужденно рассказывал что-то про деревеньку в Бычьих горах, махал руками, рискуя расплескать бокал, из которого синим пламенем бил какой-то неизвестный напиток.

Евгений на всякий случай спрятался за портьеру, слушая болтовню и наблюдая, как подвыпивший рассказчик уже принялся неумело вытанцовывать чечетку под лошадиное ржание друзей.

Когда мальчишки ушли, Евгений проник в новые двери и оказался в рабочем кабинете, принадлежащем, по всей видимости, хозяину дома. Над письменным столом висел портрет человека с горбатым носом и по-ястребиному хищно вздернутыми бровями. На долю секунды Евгению почудилось, будто нарисованные глаза пристально следят за ним – должно быть, художник достиг заоблачных вершин в своем мастерстве или применил в работе какой-то магический прием.

Следующая дверь вела в лабораторию. С первого взгляда Евгений понял, что здесь ему делать нечего: вся комната была заставлена стеклянными ящиками с жуткими заспиртованными тварями, монстрами, человеческими уродцами.

Евгений еще долго летал по разным комнатам и пару раз наткнулся на людей. Он видел вальяжного офицера с наградами и аксельбантом, который, сидя на диване, объяснял юной татуированной ведьме, как устроен револьвер. Видел

светловолосую девушку в белом платье, промелькнувшую в конце коридора, словно прекрасное привидение.

Наконец он нашел, что искал. Темный зал, заставленный громадными книжными шкафами, по двенадцать полок каждый. Все это время Евгений ежеминутно повторял про себя указания, данные доктором.

«Пятый шкаф справа, шестая полка...»

На этой полке не было книг. Вместо них в один ряд стояли разного рода предметы роскоши: статуэтки, шкатулки, флаконы, наполненные изумрудными и серебристыми жидкостями. Вот и янтарный медальон с черным жуком.

– Доминус!

Он почему-то ждал, что медальон вспыхнет, засияет как расплавленное золото. Но ничего не произошло. В то же время Евгений почувствовал, как в его тело (то самое, оставленное в Москве) непрерывным мощным потоком поступает волшебная энергия. Сердце забилося как сумасшедшее, стало трудно дышать. Спустя полминуты ему пришлось оторваться от медальона, который присосал его к себе, создав вокруг что-то наподобие магнитного поля.

Евгений долго переводил дух, чувствуя, как лихорадка внутри постепенно угасает. Теперь ему оставалось лишь надеяться на честность доктора.

– Что вы делаете?

Евгений вздрогнул от неожиданности и в ужасе обернулся.

Рядом стояла девушка в белом, та самая, которую Евгений видел, когда носился по дому в поисках библиотеки.

Она была необычайно худа, бледна и при этом очень красива. Длинные, прямые волосы были не столько светлыми, сколько белесыми, как у альбиносов. Кожа как будто чуть-чуть сияла изнутри беззащитным розоватым светом. А глаза...

«Она видит меня!» – отчаянно думал Евгений.

Впрочем, приглядевшись, он понял, что дело не в зрении. Девушка не видела его, хотя и знала о его присутствии. Она вообще ничего не видела. Большие голубоватые глаза были намертво затянуты пеленой вечной слепоты.

– Кто вы? – спросила девушка тихим, звенящим как струны арфы голосом.

– Я... – Евгений понимал, что глупее всего – пытаться ее обмануть. – Я... я не вор!

«Надо улетать!», – думал он, в то же время зная, что не сдвинется с места.

– Я знаю.

– Я не виноват, попытайтесь мне поверить!

– Я знаю, что вы не вор. Вы все равно ничего не унесете в таком виде.

– Как вам удастся видеть меня?

– Я не вижу. У меня получается чувствовать призраков. Папа говорит, это компенсация за слепоту.

– Простите! – Евгений пристыженно помотал головой.

Хотя его ни в чем не обвиняли, ему все еще хотелось оправдаться.

– Я не хотел этого делать...

– У вас странный акцент, – заметила незнакомка. – Дайте, я угадаю: вы ирландец?

– Нет, я из России.

– О-о... это далеко, – улыбнулась девушка без тени удивления. – Как вас зовут?

– Евгений.

– А меня Селена. Как лунную богиню.

– Очень приятно.

– И мне тоже.

Она подошла к Евгению и провела рукой, как ей казалось, по его щеке, а на самом деле сквозь плечо.

– Вы очень взволнованы. Даже если вы тут что-то делали, я не стану рассказывать. Я ведь все равно не свидетель.

– Вы так добры, – пробормотал Евгений. – А... скажите, вы здесь живете?

– Нет. Только иногда. Я племянница хозяина дома.

– У вас, должно быть, очень интересная жизнь, – он тут же в страхе осекся, вспомнив, что разговаривает с незрячей. – Я имею в виду все эти необычайные вещи, магию...

– А у вас нет?

– Я не волшебник.

Девушка изумленно подняла брови, но тут же улыбнулась, решив, что это такая шутка.

– Почему вам нравится думать, что вы не волшебник?

– Ну... потому что я действительно не волшебник.

– Неволшебники не умеют летать во сне.

И правда! Евгений поразился, как такая мысль до сих пор не приходила ему в голову. Он же действительно обладал невиданной, невероятной способностью. Прежде Евгений считал себя всего лишь марионеткой в руках Беннетта. Однако он уже мог самостоятельно летать и даже иногда сам отделялся от тела без ведома доктора.

– Это дар, который бывает только у магов, – продолжала Селена. – И то не у многих.

– Да. Наверно вы правы.

– На самом деле, у меня не очень веселая жизнь. Родители даже в школу меня не пускали, приглашали учителей. Прятали от солнечного света. Сейчас папа ищет мне жениха, но я-то знаю, что не найдет.

– Я вас понимаю, – улыбнулся Евгений.

Он чувствовал, насколько ничтожно рассказывать ей про свои страдания, про работу в «Задире» или про ловушку, в которую он попал из-за собственной слабости и глупости.

– Мне нравится с вами разговаривать. Вы будете здесь еще?

– Постараюсь.

– Приезжайте, когда сможете. Только не ходите в этот дом, а то у вас будут неприятности.

– А где же мне вас искать?

– Лафборо, восточное предместье. У нас там двухэтажный дом на холме... на отшибе. Вы его обязательно увидите сверху.

– Хорошо, Селена.

Евгений хотел спросить, какая у нее фамилия, но понял, что все равно забудет, когда проснется.

Они еще долго вполголоса общались, обсуждали книги и пьесы, которые Селена любила читать наощупь и смотреть ушами. Она даже умела различать героев по звучанию ходьбы и шелесту одежд.

В коридоре послышались медленные шаркающие шаги и стук палки.

– С кем вы разговаривали, мисс? – недоуменно прохрипел уже знакомый Евгению обезьяний скелет, появившись в дверях.

– Я читала вслух.

– А-а... И зачем?

– Я люблю так читать.

– Кха-х! Ну и занятие! Хозяин хочет вас видеть, идемте скорее!

Селена подарила Евгению прощальный невидящий взгляд и вышла следом за ковыляющим дворецким.

Когда через час Евгений встретился с доктором на другой стороне моста, Беннетт был искренне изумлен произошедшей в нем переменой.

– Вы сияете от радости. Полагаю, не только потому что

успешно справились с поручением?

– Вам показалось, – сухо ответил Евгений, подавляя улыбку.

– Да, конечно, – тактично согласился доктор. – Вы хорошо себя чувствуете?

– Сейчас да. Но когда я прикоснулся к медальону, меня несколько минут сильно лихорадило.

– Это обычная реакция. Ваше текущее самочувствие в норме, и это главное. Когда вы в следующий раз придете ко мне, я извлеку из вас Эгрегор. Хотя нет. Лучше я это сделаю дистанционно, чтобы вы ничего не заподозрили.

Евгений мысленно усмехнулся: ему рассказывают о том, как будут обманывать его же самого в будущем. Не это ли пример самого что ни на есть волшебного цинизма?

– Когда-нибудь я докажу себе и вам, что все это взаправду, – спокойно пообещал Евгений.

– Не докажете. Вы напрасно мучаетесь, Евгений, – доктор привычным жестом взметнул вверх палец. – Между прочим, вы только что временно обрели защиту от смертельного заклятия. Не дай бог, вам это пригодится... Ну и, конечно, заслуженное вознаграждение, хоть вы и не любите вспоминать о деньгах.

– А вы любите?

– Я? М-м я позволю себе уйти от этой темы. Скажу лишь, что бессмысленное накопительство и купание в роскоши мне противны так же, как и вам.

– Тогда в чем же дело?

– У меня есть грандиозная мечта, – улыбнулся доктор. – До встречи!

Евгений открыл глаза.

Ведьма

Едва очнувшись, Евгений понял, что что-то не так. Он сидел на диване, потом судорожно оделся и вышел из дома, чувствуя, как внутри все ходит ходуном. Это было что-то совершенно новое. Словно он только что пробежал во весь опор несколько километров и никак не может отдышаться.

Державшаяся почти месяц жара наконец-то спала. Евгений забрел в тенистый сквер, опустился на скамейку, слыша, как неистово барабанит сердце в груди.

Он вспомнил сон, который видел этой ночью. Снова доктор Беннетт, какой-то огромный, страшный дом, прекрасная и печальная девушка, каких в жизни не увидишь.

Он пытался вспомнить ее имя, со странным спокойствием ощущая поднимающуюся в теле бурю. Сердце металось, как пойманная в сеть лесная птица, кровь пульсировала в жилах и даже как будто сжигала их изнутри. Казалось, ему впрыснули какой-то яд. Евгений чувствовал, что смерть уже кладет ему на плечо свою костлявую длань. Бесплезно звать на помощь.

«Селена!» – он-таки вспомнил имя, которое ни от кого

никогда не слышал. – «Селена...»

Он повалился на грязный песок, конвульсивно дергаясь и захлебываясь слюной, точно в припадке эпилепсии.

Евгений плохо понимал, что происходило дальше. Он видел, как вокруг собрались люди, видел разорванные облака и синее небо над головой. Его куда-то везли, сунув в рот скомканный платок и связав веревкой, как буйного больного.

Когда припадок начал ослабевать, он осознал, что лежит в больничной палате, а сидящая рядом некрасивая женщина проводит ему по лбу мокрой марлей.

– Все хорошо, голубчик, все хорошо!

Евгения по-прежнему трясло, однако он уже мог поворачивать голову и пытаться что-то говорить.

Он вдруг начал понимать, *что* с ним случилось. И впервые это понимание было совершенно четким и ясным.

Весь день он пролежал на железной койке, на дырявых простынях в большой палате, наполненной скверными запахами и стонами больных. Дрожь и муторность то отступали, то вновь набрасывались, как волны в час прибоя.

Он думал, что не заснет. Однако вечером ему сделали укол, от которого Евгений моментально размяк и потек.

– Евгений.

Призрак доктора Беннетта с озабоченным видом стоял у постели, проступая в почти непроглядной затхлой тьме.

– Случилось непредвиденное.

Евгений поднялся, оставив измученное тело и буравя док-

тора свирепым взглядом.

– К сожалению, ваш организм проявил...

– Покажите договор!

– Евгений...

– Я хочу видеть договор! – с железным остервенением повторил Евгений.

Доктор достал из неоткуда светящиеся листы бумаги. Евгений принялся перечитывать их.

– Этого пункта не было!

– Вы ошибаетесь, он был.

– Его не было. Я не обязан вам помогать ни в чем, кроме... вашего чертова морока!

– Вы заблуждаетесь, – невозмутимо парировал доктор. – Посмотрите, это указано даже в начале. Евгений, я прекрасно понимаю, что вы чувствуете...

– Вы обманули меня! – вскричал Евгений, содрогаясь от ярости.

– Позвольте...

– Освободите меня сейчас же!

– Да, да, Евгений, конечно. Я уже работаю над вашим эм-м... оздоровлением. Уже завтра вы почувствуете себя гораздо лучше.

– Закройте контракт! – заорал Евгений так, что кто-то из больных заворочался во сне, видимо почувствовав гудящую в воздухе энергию. – Он недействителен, я разрываю его!

– Вы не имеете права, – жестко ответил Беннетт.

– Лжец!

Евгений стал надвигаться на доктора, совершенно не представляя себе, что будет делать, когда до него доберется. Беннетт отпрянул.

– Еще шаг и мне придется применить силу! Параграф четыре, пункт два!

Он предостерегающе вскинул руку.

– Это больно, Евгений! Еще шаг и...

Евгений сломался пополам, вдруг оказавшись не в силах двигаться и дышать. Душный, тягучий воздух облепил его подобно рою омерзительных мух. Беннетт погружал его в то мучительное состояние между сном и пробуждением, похожее на процесс утопления в болоте или увязания в зыбучих песках.

Во сне человек способен стерпеть такую боль и ужас, от которых наяву быстро сошел бы с ума. Евгению предстояло в этом убедиться.

Он слышал, как заворчалось и жалобно заныло на кровати его тело. Доктор смотрел на него с каким-то отстраненным спокойствием.

– Достаточно?

Пытка в одно мгновение прекратилась.

– Все хорошо Евгений. Уже завтра вам полегчает. Вы... молодец! – Беннетт нежно похлопал Евгения по спине и растаял в воздухе.

Евгений пробыл в больнице несколько дней. За это вре-

мя ему действительно стало лучше. Судороги и конвульсии прекратились, сердцебиение пришло в норму, и лишь кровь по-прежнему продолжала жечься изнутри, как муравьиная кислота.

Освободившись, Евгений вернулся домой, пересчитал деньги, которые у него остались. Никакого плана не было, была лишь смутная надежда. Надежда на другого человека: далекого, непонятного и скорее всего плохого. Но единственного, кто мог помочь.

Тем же вечером Евгений вдавил кнопку электрического звонка квартиры на другом конце Москвы. Очень нескоро за дверь послышалось шлепанье босых ног, звякнула цепочка, и на пороге появилась Альцина. Она была, как обычно, растрепана, одета в мешковатую серую пижаму не слишком опрятного вида. В глазах тень презрительного удивления.

– Пришел-таки?

– Здравствуй!

– Ну?

Она переминалась с ноги на ногу, явно не собираясь впускать Евгения в квартиру.

– Мне нужна твоя помощь.

– И?

– Я думал, мы... хорошие знакомые.

– С какой стати?

Евгений понял, что дальше унижаться нельзя – она с превеликим наслаждением будет пользоваться этим хоть до кон-

ца времен.

– Ты ведьма, да? – зашел он с другой стороны.

– Ведьма.

– Я читал, что в старину ведьмы помогали людям. Еще до того, как их начали жечь.

– Ведьмы были разные. А то бы не сжигали.

– И каким образом ты используешь свой дар?

– Выкладывай, чего тебе надо? – рявкнула Альцина.

– Мне нужна твоя помощь. Хотя бы совет.

– Ну?

– Я подписал контракт с одним колдуном, – начал сбивчиво рассказывать Евгений, чувствуя безнадежность всей этой затеи.

Уже то, что Альцина согласилась выслушать его, было великим достижением. Ведьма равнодушно слушала, медленно опуская и поднимая свои тяжелые веки с колючими ресницами.

– Ты бы... лучше уж сразу под трамвай, – лениво усмехнулась она. – Не так долго, не так противно, а результат один.

– Но что мне делать?

– Что это за маг? Из какой семьи? Какая у него степень?

– Я не знаю...

– Прекрасно!

Альцина развернулась и быстрыми шагами направилась в комнату, не приглашая, но и не запрещая Евгению войти.

– А почему в церковь не пошел?

– Не помогает.

– Поможет! – с наигранной уверенностью сказала Альцина. – Боженька милостив. Обязательно поможет! Лет пять-шесть помучаешься, а там глядишь и прощение получишь. Ты ведь, конечно же, думаешь только о душе или... – она в ужасе ахнула, продолжая играть в свою гадкую игру. – За тело перепугался?

Евгений молча вытерпел это издевательство.

В полутемной гостиной царил полный кавардак, примерно такой, какой был у Евгения, когда он мучился бессонницей. На круглом столике со следами папирос были раскиданы карты таро, белели пылинки нюхательного порошка, ржавело надкушенное яблоко. Сидящая на изодранной тахте кошка недобро смерила Евгения своими зелеными глазами.

Альцина села за стол и первым делом зажгла папиросу, наполнив воздух каким-то особенно терпким, необычным дымом.

– Ты ждешь, что я тебя спасу?

Евгений не отвечал и готовился в любой момент, хлопнув дверью, уйти.

– А что ты готов сделать ради этого?

– У меня есть деньги.

Альцина театрально расхохоталась, откинувшись на спинку стула.

– Деньги! У него есть разноцветные бумажечки!

– А чего ты хочешь?

Евгений знал, чего она потребует. Встать на колени, целовать пол вокруг ее ног. Или придумает что-то еще, порискованней и повеселей.

Альцина медленно поднялась из-за стола и, волоча по коврику длинные штанины, подошла к Евгению.

– Хочешь моей помощи?

Евгений смолчал.

– Тогда ударь меня, – Альцина чуть-чуть дотронулась длинным ногтем до своей правой щеки. – Вот сюда.

Евгений ошарашенно захлопал глазами.

– Альцина...

– Ты не понял?

– Я... я не стану! Я не могу!

Евгений встал со стула, понимая, что хозяйка не шутит.

– Ты у нас такой благородный? – сладко продолжала Альцина. – Или просто страшно? Тебя самого хоть раз били по лицу?

– Нет, но...

– Не били?! Вошь!

– С ума сошла?!

Альцина размахнулась и со всей силы влепила ему кулачком в нос, так что хрящи треснули. У Евгения помутнело в глазах. По губам побежал теплый ручеек.

Ведьма нагло оскалила зубы. Евгений пошатнулся, опустил взгляд, чувствуя, что теряет над собою власть.

Это был самый омерзительный поступок, который он со-

вершил в своей жизни, оправданием которому могли стать лишь те муки, через которые он прошел и до сих пор проходил.

Он увидел выглядывающие из-под штанин голые белые ступни Альцины и вдруг, забыв себя, яростно припечатал одну ступню каблуком ботинка.

Альцина пронзительно взвизгнула, задохнулась и со звериным ревом бросилась на Евгения царапать лицо и рвать волосы.

Через минуту все было прекрасно. Евгений разглядывал в зеркале комода следы от побоев и когтей, Альцина ощупывала ссадину на ноге и попутно ела давно забытое яблоко.

– Драться не умеешь...

– Пошла к черту! – огрызнулся Евгений.

– Садись, – примирительно сказала Альцина и принялась небрежно-ловкими движениями раскладывать на столе карты.

– Как ты сказал, его зовут?

– Беннетт.

– М-м... Добрый доктор из Англии, да? И чего ты хочешь?

– Я хочу избавиться от него. И чтобы все... стало как раньше.

– Как раньше уже не станет. Сам виноват. Тебя инициировали! Зато теперь сможешь витать в облаках по-настоящему, а не в мечтах! – Альцина криво усмехнулась, но уже без прежней желчи.

– Покажи ладонь!

Евгений протянул ей левую руку, на ладони которой остались незаживающие царапины от волшебного пера.

– Это настоящий договор.

– Он его изменил, я точно знаю!

– Возможно. Но разорвать его можно будет, только убив одного из вас. Или заставить Беннетта это сделать.

– Но ведь он...

– Я знаю способ! – торжественно объявила Альцина, сверкнув глазами. – Радуйся!

– Но как?

– Я поймаю его на крючок! Как учила моя стерва-прабабка!

Во взгляде Альцины, в ее улыбке все ярче и ярче разгоралось пламя дьявольского азарта. Все ее существо, казалось, уже требовало немедленной, беспощадной схватки.

– А ты... уверена, что тебе это под силу? – спросил Евгений, слегка оробев от такой метаморфозы.

– Еще раз оскорбишь, пойдешь вон! – презрительно бросила Альцина.

Дымя папиросой, она с интересом разглядывала ромбовидную комбинацию из карт.

– Гашеный уксус, мел, сонная одурь – два... нет, три золотника... – бормотала Альцина себе под нос. – Галерина... где ее достать?

Евгений зачарованно слушал, плохо понимая, о чем идет

речь, но чувствуя, как в ведьмином мозгу стремительно зреет какой-то план.

– Приготовлю одну гадость, – коварно улыбнулась Альцина, скрестив пальцы. – Пару капель ему на одежду, можно даже на мебель. На следующий день разболится голова. Через неделю станет слепой как крот. А противоядие только у меня!

– Я сам должен буду его отравить?

– А кто же еще! Но перед этим, – Альцина постучала ногтем по столу. – Ты должен мне добыть его волос, ноготь или хотя бы фотокарточку. Понял?

– Да, – кивнул Евгений.

– Позабавимся... Пора доктору отведать своего лекарства!

Альцина хрипло и, кажется, на этот раз совершенно невольно расхохоталась. Евгений тоже улыбнулся.

Внезапно родившийся заговор жаждал немедленно осуществиться. Заговор против Беннетта: хитрый, справедливо подлый и заслуженно безжалостный. Игра началась, и это было здорово!

Вылазка

Евгений, холодея, переступил порог кабинета доктора Беннетта. Ему казалось, что доктор разгадает его в первую же секунду. Быть может, он умеет читать мысли? А если нет,

то наверняка угадывает их по движениям глаз, по мимике, по звучанию голоса.

Доктор глядел на него так же приветливо и любезно, как и во время всех предыдущих визитов. Разумеется, его лицо было всего лишь маской.

– Как вы себя чувствуете? – заботливо поинтересовался доктор.

Евгений начал смущенно и нарочито сбивчиво рассказывать про свой припадок и про больницу. Беннетт знал, что Евгений все понимает, и Евгений понимал, что доктор знает все. Они как два актера продуманно играли свои роли: великодушного мудреца и наивного, доброго юноши.

Евгений надеялся, что еще не до конца прошедшая болезнь, до сих пор причинявшая ему боль, поможет скрыть проступающие на лице тревогу и предвкушение.

Он не смел взглянуть на стрелки часов, но знал, что часы, висящие в холле, вот-вот пробьют два. Как только это случится, Евгений должен будет, мысленно сосчитав до ста, (чтобы не вызвать подозрений) пожаловаться доктору на плохое самочувствие и отправиться «в ванную».

А вот и два мелодичных удара.

– Но почему вы думаете, что это как-то связано с вашими снами? – спрашивал доктор.

– Я не уверен... Я читал одну теорию, согласно которой человек силой внушения влияет на свой организм.

– Вы, должно быть, имеете в виду теорию Куэ?

– Возможно. Я не помню автора. Там рассказывается, что человек силой мысли может заставить себя выздороветь или, напротив, навлечь на себя болезнь и даже смерть, причем очень быстро.

Евгений начал осторожно симулировать приступ тошноты.

– Что с вами, Евгений?

– Все в порядке. Я не знаю, насколько это правда. Я читал, про человека, которого должны были... – он запнулся, как будто испытал болезненный спазм желудка. – Его должны были... П-простите!

– Вы плохо выглядите.

– Да я... признаться, меня тошнит.

– У меня есть имбирь!

– Не надо! Сейчас все пройдет... Можно мне ненадолго воспользоваться вашей ванной?

– Да, конечно. Поворачиваете налево, вперед по коридору, там будет дверь в ванную. Только закройте на щеколду – у меня дома прислуга.

«Черт ее подери!» – огрызнулся мысленно Евгений.

Он прекрасно понимал, что доктор тотчас направит за ним своего призрака, чтобы отслеживать каждый его шаг. Евгений не мог видеть астральные тела наяву, но кожей чувствовал, как за его спиной крадется невидимая тень Беннета.

Горничная протирала мебель в гостиной. Только бы она

оставалась там!

Зайдя в ванную, Евгений склонился над раковиной, старательно имитируя рвотный рефлекс и брызгая в лицо холодной водой. Он ждал. Еще минута и на телефон, стоящий в кабинете доктора, должен позвонить Ник. Евгений упрямил его поучаствовать в этой «забаве». Проницательный Ник сразу понял, что ни о какой дружеской шутке речи не идет, и все гораздо серьезнее, но в силу своей тяги к проделкам и авантюрам охотно согласился. Ник должен был позвонить доктору якобы для получения консультации и допекать его как можно дольше. Но здесь таились два изъяна: во-первых, Ник по какой угодно причине мог опоздать, хотя время звонка было строго обговорено, во-вторых, Беннетт мог просто не взять трубку, чтобы не отрывать себя от слезки. Впрочем, резкий звонок так или иначе выведет его из транса.

«Позвони! Позвони!» – мысленно молил Евгений.

Он чувствовал, что весь этот хлипкий, висящий на волоске план неизбежно и подло сорвется по тысяче причин: его увидит горничная, дверь в спальню будет заперта, он не найдет ни волос, ни фотоснимков, он украдет фотоснимок, но доктор заметит пропажу, и так далее...

Беннетт не гнался за известностью, он ее боялся. Ни в одной газете мира не было и не могло быть его фотографии. Кабинет занят, гостиная тоже. Оставалась только спальня.

«Ну позвони же!»

И тут в другом конце многокомнатной квартиры спаси-

тельно задрезжал и вскоре оборвался телефонный звонок. Беннетт снял трубку – исчезло давящее ощущение чужого взгляда.

Евгений закрыл воду и на цыпочках, с замиранием сердца, двинулся в сторону спальни. Доктор любезно расспрашивал о чем-то мнимого клиента, горничная шаркала в гостиной.

Он юркнул в комнату, беззвучно затворив за собой дверь. Сначала постель. Увы! Кровать доктора была идеально прибрана. Одеяло лежало ровно, прикрытое шерстяным пледом, даже на подушке не осталось вмятины. Искать здесь потерянный волос было пустой тратой времени.

Евгений рассеяно окинул взглядом хорошо выметенный и недавно выбитый ковер.

«Долго, черт возьми, слишком долго!»

В сердце ледяной змеей зашевелилась паника. Евгений, стиснул зубы, и едва касаясь пальцами ручек, открыл стеклянные дверцы книжного шкафа. Где-то здесь непременно должен оказаться семейный фотоальбом. Ага, вот и он!

Он вытащил большой потертый альбом с позолоченными уголками. Внутри были фотографии европейских городов: Парижа, Вены, Неаполя... Ни одного портрета!

Аккуратно втиснул альбом обратно, достал другой. Какие-то женщины на лошадях и велосипедах... Тоже ничего!

То, что он принял за третий альбом, оказалось толстой книгой со странным символом на обложке и надписью: «Гримуар Гонория».

– Дьявол! – исступленно прошептал Евгений.

Ему пришла дичайшая мысль: вернуться в кабинет к Беннетту, оглушить его и выдрать волос. Нет, нет, надо взять себя в руки! Время есть!

Еще одна книга, потрепанная и без названия. Евгений осторожно раскрыл ее, даже не надеясь, что внутри что-то окажется.

Из книги посыпались страницы. Евгений оторопел. Он понял, что это конец – второго шанса у него не будет, как не будет больше свободной человеческой жизни. Но что это?

Кроме вывалившихся первых двух страниц и какого-то исписанного листка на ковре лежала пожелтевшая фотокарточка с семейным портретом. Евгений лихорадочно подобрал ее.

Здесь был пожилой мужчина в римском воротнике с торчащими как у енота седыми бакенбардами, толстая как бочка дама, полнощекая девочка с косичками и...

Евгений ни за что не распознал бы в этом симпатичном озорном мальчике лет десяти в галстучке и коротких штанишках своего мучителя. Если бы не взгляд. Даже на старой тусклой фотокарточке не узнать эти глаза было невозможно: хитрые, ироничные, полные фальшивого снисхождения и поддельной невинности.

Евгений чуть не ахнул от радости, но тут же вспомнил, что надо еще благополучно выбраться из этого логова.

Словно в насмешку над его удачей в коридоре послы-

шались приближающиеся с неумолимой быстротой женские шаги.

Евгений сунул обратно книгу, закрыл шкаф, вспомнил, что на полу лежат проклятые листки, подхватил их и, смяв, запихнул себе в карманы брюк, прижался к стене у дверного косяка и затаил дыхание.

Горничная неторопливо прохлопала туфлями мимо двери, очевидно держа путь в ванную или на кухню. Подождав секунд десять, Евгений тенью выпорхнул из спальни и, насколько это возможно, спокойным шагом, ровно дыша, направился в кабинет доктора, попутно оглядев себя в стоящем в холле трюмо.

Он вовсе не был до конца уверен в своем успехе. Быть может, он оставил след или...

«К черту!» – решил Евгений.

Как бы то ни было, фотоизображение Беннетта теперь у него в кармане. В том, что это Беннетт у него не было даже тени сомнения.

– То, что вы слышите голоса, еще не значит, что у вас шизофрения, – доктор бодро утешал своего телефонного собеседника. – Слуховые галлюцинации бывают и у здоровых людей... Да-да... Конечно, я готов поддержать вас в любое время. Но все же настоятельно советую вам обратиться к врачу.

Евгений вошел в кабинет и, боясь, что в карманах предательски хрустнет бумага, очень осторожно сел в кресло.

Доктор еще с минуту выслушивал импровизированный

вздор «больного», затем, наконец, с величайшей деликатностью сумел подвести разговор к завершению.

– Очень странный звонок! – выдохнул Беннетт, потрясенно качнув головой. – Извините... Как вы себя чувствуете?

Евгению хотелось сказать, что ему стало еще хуже и нужно скорее попасть домой. Однако он заставил себя просидеть у доктора еще некоторое время, чтобы развеять любые возможные подозрения.

Через три дня Евгений отнес фотоснимок Альцине. Та уже варила на кухне что-то едко дымящее и, кажется, впервые в жизни пребывала в отличном состоянии духа.

Повелитель снов

Первые два листа дневника были исписаны аккуратным, крупным почерком, благодаря которому Евгений, вооружившись словарем, смог узнать о юных годах жизни своего загадочного недруга.

«Тридцать пять лет – возраст, когда не знаешь, что тебе писать: дневник или мемуары. Впрочем, почему бы не объединить эти два жанра?»

Я вовсе не стремлюсь поразить общественность чудесами своей биографии, которым в ней, пожалуй, найдется место. Я лишь надеюсь, что когда-нибудь история моих исследований станет достоянием пытливых умов и откроет

новую страницу в великом и непростительно забытом деле изучения астрала.

Итак, я Генри Беннетт появился на свет неизвестного числа в октябре 1858 года благодаря женицине-вошебнице, чье лицо я волей судьбы даже не увидел: моя мать скончалась при родах. Я рос в чудесной деревушке, название которой, я думаю, никого не заинтересует, в самой обычной, благочестивой семье. Дядя Кристофер деревенский викарий, его жена тетя Мэри и их единственная дочь Лаура заменяли мне родных, пусть даже не слишком удачно.

Увы, я для них с самого начала был «отмечен дьяволом». Мне не в чем их винить. Дядя Кристофер прошагал всю Индию, где имел печальный опыт знакомства с местной сектой душителей. Колдуньи «Тхаги» чуть не принесли его в жертву и убили всех его спутников. Старик ненавидел магию до мозга костей. Тетя Мэри боялась всего, что связано с волшебством (включая паровозы и электричество). А для Лауры я был всего лишь досадным конкурентом в борьбе за родительское внимание.

Нет, конечно, это не делало меня парией. Нередко по вечерам, дядя Кристофер сажал меня вместе с Лаурой подле себя и начинал рассказывать о приключениях своей молодости или какую-нибудь неудачную притчу собственного сочинения. Однако потом, лежа без сна, я с болью слушал, как он и тетя шепотом обсуждали меня за дверью. Иногда на дядю что-то находило, и тогда от него следовало держаться

подальше. Особенно он бесился, когда слышал из моих уст слово «хочу». В таких случаях дядя обычно брал меня за ухо, так что глаза вылезали из орбит, и рычал: «Нет такого слова «хочу»! Есть слово «надо» и слово «должен»!»

С ранних лет я убеждался в истинности его слов. Меня заставляли зубрить Ветхий и Новый Заветы, а потом дядя, словно дотошный экзаменатор, допытывался, что именно я вынес из прочитанного. Конечно же, я все понимал! Меня так и порывало спросить: если господь творит чудеса, то почему все то же самое запрещено делать людям? Уж не означает ли это некую божественную монополию на волшебство? Но озвучить свои догадки, я, в силу понятных причин, не смел. Как не смел рассказать и о том, что с пяти лет умею управлять своими снами и видеть во сне то, что захочется. Меня никогда не пугали чудовища из-под кровати. Я мог заставить их плясать или отхлестать воображаемым кнутом. Позднее я понял, что сон – это нечто большее, чем просто движение глазных яблок под веками.

И вот однажды в мою жизнь ослепительным потоком ворвались грандиозные перемены. Мне уже исполнилось двенадцать. Как-то в середине дня я подошел к окну и увидел, как дядя Кристофер, стоя у калитки, разговаривает со странным незнакомцем, на вид явно городским. До сих пор отчетливо помню его дорогой серый костюм, изящный котелок, руки в перчатках, которые он надел несмотря на майскую жару, это молодое, веселое лицо и светлые, упря-

мо выбивающиеся из-под шляпы волосы.

Приезжий господин представился, как двоюродный брат моей матери. Он рассказал, что только что вернулся из Америки и намерен взять на себя бремя моего дальнейшего воспитания. Я никогда не был наивен, но все же почувствовал необъяснимое доверие и даже влечение к этому незнакомцу. Он спросил меня, хочу ли я переехать в Лондон? Хочу ли учиться тому, чему никогда не научат в деревенской школе? Желая ли узнать, кто я такой на самом деле? И каким мог быть ответ двенадцатилетнего мальчишки, жаждущего приключений?

Но дядя Кристофер смотрел на него так, словно к нам пришел циклоп или сам Люцифер. Я пытался его понять, но... «Господи!» – думал я. – «Неужели он не видит разницы между бородатым индийским дикарем и этим блестящим господином, от которого так и веяло добротой и благонаправлением?»

Дядя велел мне вернуться в дом и начал что-то тихо, но резко отвечать моему новоявленному опекуну. Я смотрел из окна, как он уехал, грустно, но с отчетливой хитрецей в глазах помахав мне из экипажа.

Мне было очень обидно, я страшно разозлился на дядю и тетю и впервые даже не стал с ними ужинать. Этой ночью я решил, что когда-нибудь, не через год так через два, я обязательно разыщу этого человека. Вот только как, ведь я даже не знал его полного имени?

Все произошло быстрее, чем я даже мог предположить. Через несколько дней...»

Продолжение автобиографии осталось в потрепанной книжке. Однако был еще один лист, не имевший отношения к дневнику, но вложенный в него, вместе с фотокарточкой.

«Дорогая Рут!

Когда я люблю, я полностью утрачиваю дар убеждения. Поэтому осмелюсь написать прямо: я тоскую и хочу, чтобы ты снова была со мной! Я осознал свою вину. Я по-настоящему жалею о том, что произошло в той роще.

Однако попробуй меня понять. К сожалению, могущество не может не околдовывать разум и душу. Это своеобразная плата, которая взимается с человека помимо его воли. Я не просил наделять меня талантами, я родился с ними. Если бы только ты могла представить, каково это: жить, постоянно чувствуя себя в долгу перед самим собой, постоянно совершенствуя свои способности, расширяя их пределы и убеждаясь, что пределов нет.

Рут, всего за одно лето я выучил испанский язык. Это что-то невероятное! Я умею влиять на жизнь других людей, на сам ход их мыслей! Когда-нибудь я научусь подчинять себе человеческую волю, и тогда в мире не останется вершин, которые невозможно будет покорить. Дорогая, ты возможно считаешь меня алчным честолюбцем. Но деньги

и власть – лишь инструмент для достижения нашего с тобой счастья, для построения нашего маленького рая, защищенного от чужих посягательств лучше самой неприступной крепости. Если б я не знал, как устроен этот мир, я бы, конечно же, разделял твои принципы. Но я видел слишком много.

Поверь, я искренне раскаиваюсь в своем поступке. Однако сделанного не воротишь, и я лишь могу попытаться изменить себя к лучшему с твоей волшебной помощью. Я не буду спать ночами в ожидании твоего ответа. Как повелитель снов, я готов наказать себя изнуряющей бессонницей. Прошу, напиши мне!

Твой навеки.»

На обратной стороне письма другим почерком была написана одна сухая строчка:

«Возвращаю тебе твое письмо. Я уже все решила. Будь счастлив.»

Поражение

Альцина не отозвалась на звонок. Евгений позвонил еще раз. За дверью царила могильная тишина.

Это был именно тот день, когда ему предстояло воплотить в жизнь первую часть плана. Яд наконец-то был готов.

Позавчера Альцина велела ему прийти к трем часам, чтобы получить заветный флакон. И вот Евгений стоял на пороге ее квартиры, из раза в раз нажимая и подолгу держа кнопку звонка без всякого толку.

«Неужели что-то случилось?» – холодея, подумал Евгений.

Но что могло случиться? Даже, если представить самое страшное...

Он повернул ручку и убедился, что дверь не заперта. Вошел в квартиру.

«Может, она сказала мне прийти не в три, а в четыре, а я все напутал?»

– Альцина!

В воздухе стоял горький запах еще не выветрившихся испарений, шедших с кухни.

Он снова тщетно позвал хозяйку. Заметил стоящие на полу прихожей туфли.

С каждой секундой Евгений все отчетливее понимал, *что* ожидает его в этой квартире. Осталось только узнать, где именно.

Посреди гостиной, раскинув руки и глядя в потолок потускневшими, так и не закрывшимися глазами, лежало тело Альцины все в той же серой пижаме, еще не успевшее окончательно утратить живой цвет. В правой руке были, как кинжал, зажаты острые ножницы.

На ней не было ни ран, ни ссадин, ни даже следов чьих-

то пальцев на шее.

Евгений оцепенело отвел взгляд и увидел лежащую под столом мертвую кошку. На миг он подумал, что животное спит. Просто потому что... это было бы слишком чудовищно, дико, необъяснимо. За что кошку, черт подери?!

Он вывалился из подъезда с помертвевшим лицом, окинул двор тоскливо-безумным взглядом.

От него, шурша, убежали первые осенние листья. Какой-то детина с закатанными до плеч рукавами рубил дрова в компании дремлющей дворняги.

– Эй! – содрогнувшись, крикнул Евгений. – Там убийство!

Детина перестал рубить и, нахмутив сросшиеся брови, устремил на Евгения спокойный туповатый взгляд. Пес залаял.

– В шестнадцатой квартире!

– Чего?

– Убийство! Человека убили!

Детина растерянно перевел взгляд на топор, видимо выбирая между работой и гражданским долгом.

Не дожидаясь ответа, Евгений раздраженно махнул рукой и быстро пошел неизвестно куда, неизвестно зачем, в отчаянии хватаясь за голову.

Он должен, он обязан прямо сейчас отправиться к Беннетту, прийти к нему, взять его за горло и...

– Что «и»? Что «и»?! – полушепотом спрашивал себя Евгений. – У меня даже нет оружия! С чем я к нему пойду?!

Что я буду делать?! У Ника может быть револьвер! И что, он мне его даст? Идиот! Ну положим... Я его убью, дальше что? Тюрьма! Нет, нет, нет, надо звать полицию! А какую полицию? Ха-ха полицию! Мужики с повязками на рукавах – вот кто теперь полиция! Да и нет следов на теле! Нет улик! Господи, господи!

Ярость и жажду мести быстро сметал нарастающий, как буря страх. Евгений понял, что проиграл. И проиграл не партию, не битву, не войну, а собственную жизнь.

– Он пришел за ней. Пришел и убил! Он все видел и все знал с самого начала. А, значит, придет и за мной. Надо бежать! А куда? В Тверь, к отцу? Бежать от того, кто лазит по чужим снам, от того, с кем у меня кровавый договор?

Он пришел к красивому богатому дому, в котором жил Ник. Кое-как заготовив вступительные фразы, позвонил в дверь.

Ник на удивление апатично выслушал новость о смерти Альцины.

Он сидел в кресле, закинув ногу на ногу, мрачно посасывал экзотическую трубку и смотрел куда-то в пустоту. Таким своего приятеля Евгений видел впервые.

Когда речь зашла об оружии, Ник вдруг издал мучительный стон и стукнул кулаком по подлокотнику. У него и правда был личный «Браунинг», подаренный отцом на двадцатилетие. Однако...

– Слушай! – Ник хмуро посмотрел Евгению в глаза. – Ес-

ли б я мог, я бы тебе его дал. Даже спрашивать не стал бы ничего. Но.... Дьявол! Мне он самому похоже скоро пригодится. В такую историю влип!

Как оказалось, история, в которую влип Ник, не имела с кошмаром Евгения ничего общего. Все было гораздо прозаичнее: алкоголь, карты, деньги.

Евгений снова шел по Москве, не разбирая дороги, и судорожно искал выход из смертельного лабиринта.

– Что же делать? Куда бежать? Может, в монастырь? Болван! В какой монастырь! Под рясой спрятаться, под крестом?!

Он долгое время без цели бродил по городу, строя бредовые планы бегства, самозащиты, нападения... Потом изможденный вернулся домой, запер дверь, зачем-то положил ключ в карман.

Только теперь ему пришла в голову мысль, что в квартире Альцины, возможно, еще осталось отравляющее зелье. Но какая разница, если Беннетт уже знает про их несчастный план? Дети задумали перехитрить взрослого...

«Скоро этот взрослый явится и ко мне! Во сне или вживую – неважно. Придет и докончит дело!»

Евгений представил, как будет в слезах молить Беннетта о пощаде. Нет, до такого он не опустится! Или опустится? Разве он знает, насколько сильно боится боли и до какой степени любит жизнь?

«А, может быть, доктор уже здесь? Висит невидимой те-

ную где-нибудь под потолком и разглядывает меня, как коршун цыпленка...»

И вдруг Евгений понял, что надо просто смириться, покориться судьбе. Смерть придет, и никуда от нее не скроешься. Он в чужих руках. И скорее всего ждать осталось совсем недолго: день, два, может, три.

– Скоро... – прошептал Евгений пересохшими губами.

С этой минуты каждую ночь он ожидал появления в окне страшного призрака и каждый день готовился увидеть в комнате, в подъезде или во дворе знакомый, вроде бы совершенно безобидный силуэт седого человека с голубыми глазами.

Расплата и новая жизнь

Но Беннетт не пришел ни через день, ни через неделю. Словно позабыл о Евгении.

Живя в постоянном ожидании смерти, Евгений перестал замечать мир вокруг. Он не ушел в себя, как это бывало прежде. Скорее просто растворился в собственной отрешенности и безразличии.

Почти без удивления услышал он как-то глухие раскаты артиллерийского обстрела, доносившиеся с окраин Москвы. Под окном собирались вооруженные люди, к чему-то готовились, таскали хлам для возведения баррикад. Потом снаряды стали ложиться ближе. Совсем близко. Со стороны Кремля трещали пулеметные очереди.

Однажды ночью Евгений очнулся от дикого грохота и звона. Он в страхе огляделся, по привычке было решив, что это пришел тот самый... В комнате никого не было. В разбитое взрывной волной окно задувал ледяной ветер.

– Идиоты! – в который раз тихо констатировал Евгений.

Его не сильно беспокоило то, что случилось: в комнате все равно было не теплее, чем на улице.

И вдруг Евгений осознал, что там, где падают снаряды, уже не имеют власти ни магия, ни астральные силы, ни доктора-убийцы с иностранными фамилиями.

Через два дня бои закончились. Евгений решил отправиться к отцу. Уже по тому, что творилось за окном, было ясно, насколько долгим и скверным станет этот путь. Но дожидаться смерти в этой поганой комнате – последнее дело.

Во второй половине дня он поскоблил щеки заржавевшей бритвой, оделся, собрал оставшиеся гроши и вышел из дома.

С неба падал снег. Садясь на землю, яркие, крупные хлопья тут же гасли, растворяясь в мерзкой серо-коричневой каше.

Никто не ехал по улице в лихих санях, не предлагал купить баранки или пироги, не кормил на скамейке птиц, не играл в уличном оркестре.

Прохожих было немало, но от каждого из них веяло какой-то рабской подавленностью, потерянностью, тоской. Они сбивались в кучи, слушая новых хозяев, только для того чтобы не потеряться в этом новом, страшном мире.

Евгений шел мимо разбитых витрин, мимо поваленной афишной тумбы. Кому и зачем понадобилось ее валить? Шел к Кремлю, хотя смотреть на него теперь совершенно не хотелось.

Он представил, как будет добираться до Твери. На поезде? А если поезда уже не ходят? Да и сколько сейчас желающих уехать из холодного, разграбленного города?

Но перед тем, как идти на вокзал, надо было попрощаться с друзьями.

Всю дорогу Евгений думал о том, что скажет Ане. Думал, как они будут вместе пить чай или вино, и грустно шутить над тем, что происходит вокруг.

Увидеть подругу ему не удалось. На двери пустой квартиры висел приколотый булавкой тетрадный листок с трогательным посланием:

«Дорогие, милые, любимые друзья!

Я с родителями уезжаю на дачу в Крым, чтобы переждать там бурю. Сама я не вижу в этом особенной нужды, но папа настоял. Как только все закончится, мы снова будем вместе. Еще веселее и дружнее. Берегите себя и ничего не бойтесь!

P.S. Леля, твою новую поэму прочитала и нахожу ее почти великолепной. Мы ее обязательно разберем!

P.P.S. Маша, милая, ты должна полюбить жизнь!

P.P.P.S. Альцина, мы всегда будем помнить о тебе!»

«Евгений...», – он попытался представить несуществующую строку. – «Будь счастлив... Не унывай... Выживи! Да. Точно. Выживи, Евгений!»

Снег валил с новой силой, как будто хотел поскорее прикрыть, упрятать несчастную истерзанную землю.

Идя по какой-то неизвестной улице (или просто изменившейся до неузнаваемости), Евгений вдруг понял, что слишком поздно вышел из дома, слишком долго слонялся по Москве. Надвигались сумерки. Если низ стал верхом, а верх низом, выходило, что любой, кого Евгений прежде не удостоил бы взглядом, теперь мог раздавить его, как жука – имел право.

Люди начинали прятаться в двери подъездов, в дыры подвалов. Где-то слышался хмельной вой гулянки, выстрелы, балалаечный звон.

Бессмысленно ускоряя шаг и пытаясь понять, где находится, Евгений наткнулся на грозную, забытую всеми баррикаду, неприступную, как крепостная стена. Надо было искать обходной путь. Или идти назад?

Воздух стал синеватым, словно в чистую воду уронили каплю чернил. В некоторых окнах печально загорались керосиновые лампы и свечи. Без пользы белели матовые шары обесточенных фонарей.

Евгений шел по безлюдной улочке, подняв воротник и разминая в карманах задеревеневшие пальцы. Он вышел к

площади, посреди которой ярко пылал и потрескивал костер, огромный как у первобытных людей.

Один из стоявших вокруг костра оборванцев, бывших солдат, весело окликнул Евгения пьяным голосом. Он предложил погреться и даже угоститься «беленькой» то ли в шутку, то ли всерьез, несмотря на грубые протесты товарищей. Евгений вежливо отверг его дружбу.

Он шел все дальше и дальше, полагая, что движется в сторону дома, но готовый в любой момент убедиться в своей ошибке.

Впереди сквозь сумрак Евгений различил бредущую куда-то фигуру пожилого человека с саквояжем в руке. Он шел медленно, чуть сгорбившись, погруженный в свои мысли. Человек из прежней жизни, еще недавно личность: учитель, врач или композитор, а теперь просто старик, потерявший все, кроме своего саквояжа, пальто и помятой шляпы.

Услышав сзади нагоняющие шаги, человек как бы случайно повернул голову.

Евгений оцепенел. Из-под шляпы на него смотрело знакомое, слегка поросшее щетиной лицо, которое он так боялся увидеть.

– Евгений! – ошеломленно пробормотал доктор Беннетт.

Он медленно переложил саквояж из правой руки в левую, кривя рот в совершенно неискренней улыбке.

– Какая встреча!

И тут Евгений почувствовал, что совсем не боится его.

Просто потому, что и в движениях, и в улыбке, и в глазах доктора на долю секунды промелькнул неподдельный и довольно сильный страх. Страх перед слабым.

– Мир меньше, чем кажется, – тихо, безо всяких эмоций сказал Евгений.

– О да!

Они продолжили путь вместе. Евгений заметил, что Беннетт пытается держать свободную руку поближе к вырезу пальто – значит, у него с собой что-то есть.

– Уезжаете? – спросил Евгений, стараясь как-то оживить свой мертвый голос.

Исчезнувший страх вдруг начал захлестывать душу с новой силой. Он представил, что должен будет напасть первым. Напасть на доктора! И напасть именно для того, чтобы убить!

«А вдруг это я сошел с ума?» – исступленно подумал Евгений. – «Вдруг, все что случилось – идиотское совпадение, а сны – это всего лишь сны?»

– К сожалению, да, – вздохнул доктор. – Ваш народ-ребенок сейчас в очень плохом настроении. Я решил с ним не ссориться.

– Поедете в Англию?

– Да, – ностальгически улыбнулся доктор. – В родную туманную Англию. Сперва, должно быть, съезжу в свою деревню, навещу могилы родителей...

– Тети с дядей? – вопрос сам выпорхнул из уст Евгения.

– Э-э... что, простите? – Беннетт нахмурил брови и замедлил шаг.

– Мне послышалось, вы сказали...

– Н-нет, мои тетя с дядей похоронены в Лондоне.

Рука доктора начала подбираться еще ближе к вырезу.

Навстречу им из переулка вышли четверо солдат. Бородастые, патлатые в драных, прогнивших шинелях. Они сошли бы за нищих если б не винтовки за плечами у троих и не револьвер в руке у того, кто, кажется, был у них вожаком.

– О-о, еще один жирный котяра! – главарь ощерил гнилые зубы.

Беннетт с непонимающим видом разинул рот. Евгений отпрянул, не зная бояться ему или радоваться.

– Хе-хе, а зыркает-то как, сразу видно, есть че прятать! Эй барин, не тяжело тебе? – осклабился другой солдат с замотанной рукой и разбитым носом. – А ну сымай шубу! Да поскорей, а то сдохнешь без покаяния!

– Я плохо понимает русский! – внезапно выдал Беннетт и озарился невинной улыбкой наивного иностранца.

– О-о! – воскликнул губастый, единственный у кого борода еще не росла. – Русский не понимает! Немец че ль?

– Ньет, Англия! Бритн!

Грабители дружно заржали, впервые в жизни слыша иностранный акцент.

Беннетт заулыбался еще жалче.

– Шут какой-то... – глухо сказал самый старший с седи-

ной в бороде и суровым сибирским взглядом.

– Птаха, бери у него чумодан! – скомандовал вожак. – А шуба тебе, Захарыч! По чину!

– Ува-ажил! – благодарно зарычал седоватый, расплывшись в дремучей улыбке.

– А с этим че? – презрительно фыркнул разбитый нос, сверкнув на Евгения взглядом. – Этот, кажись, наш! Эй, гимназистик, ты че, язык проглотил?

– Да хрен с ним! Возьми у него шинель и деньги, если есть.

Доктор охотно позволил стащить с себя пальто, но, когда дело дошло до саквояжа, вдруг испуганно запротестовал и замахал руками.

– О нъет, нъет! Только не это! Пожалуйста! Это нет!

– А ну! – губастый, по прозвищу Птаха, с силой вырвал саквояж из рук Беннетта.

– Глянь, че там внутри!

– Да тут... склянки какие-то, – Птаха потряс раскрытый саквояж, и внутри зазвенело множество ампул. – Бутылки – как в аптеке!

– Лекарства – вещь хорошая, – с умным видом отметил побитый.

– Возьмем! – кивнул вожак. – Пригодится!

– Ну че, тварь? – побитый нагло подмигнул Евгению водянистым глазом. – Сам все отдашь или помочь?

Евгений молча снял шинель и вынул кошелек.

– Во-о!

Он забрал у Евгения вещи и щелкнул его по носу так, что в глазах зарябило.

– Эй, англичанин, скажи спасибо, что живым отпускаем! В Англии свечку за нас поставишь, понял?

– Товарищ! – блаженно воскликнул Беннетт, глядя в глаза побитому.

– Какой я те товарищ, гнида! – побитый замахнулся на доктора прикладом, и тот, ахнув, сам собой от испуга повалился в грязный снег.

Разбойники расхохотались пуще прежнего и, отпуская шуточки, двинулись восвояси, довольные добычей.

Пальто доктора нелепо сидело на медвежьих плечах Захарыча. Птаха нес шинель и саквояж.

Беннетт униженно поднялся на ноги и, шмыгнув носом, достал из внутреннего кармана пиджака какую-то серебристую вещь вроде вязальной спицы, только толще и длиннее.

Шляпа слетела с его головы, и даже в сгустившемся мраке Евгений разглядел проступающие на бледном лице ниже правого уха шрамы от кошачьих когтей.

Лицо доктора было не узнать. Из наивно-светлого оно превратилось в железную маску с кривой, как у акулы щелью рта и неподвижными плотоядными глазами.

Беннетт поднес серебристый жезл к своей переносице и закрыл глаза. Каким-то необъяснимым, неуловимым образом Евгений увидел (именно увидел), как из головы доктора выстрелил невидимый энергетический луч прямо в затылок,

шедшего позади всех Захарыча.

Разбойник остановился. Друзья прошли еще метров десять, прежде чем заметили пропажу товарища.

– Захарыч!

Застывший как памятник Захарыч вдруг, не говоря ни слова, начал снимать с плеча трехлинейку.

– Э-э, ты че?! – побитый первым направился к своему другу. – Да не дури!

Он подошел к Захарычу и хотел шутливо стукнуть его в грудь.

– Обиделся что ли?

Захарыч коротким механическим движением всадил острый штык побитому в живот. Тот заорал, как свинья, и опрокинулся на спину.

Вожак и Птаха вскрикнули, как наверно закричали бы при виде мертвецов, лезущих из могил.

Тело, бывшее когда-то Захарычем, медленно двинулось в сторону атамана.

– Дед, ты че, с-сука! – залопотал вожак.

Птаха, мыча, попятился назад, выронив саквояж и шинель.

Вожак поднял руку и выстрелом из «Нагана» вышиб чудищу мозги. Тело повалилось, как спиленное дерево. Рядом продолжал визжать и корчиться побитый.

– Леха! – прохрипел атаман, но даже не решился приблизиться к раненному другу.

Птаха дрожал как осиновый лист и трясущимся пальцем начал указывать на неподвижную фигуру Беннетта, чернеющую в ночи.

Евгений заметил, что кончик серебристого жезла, налился голубоватым светом.

– Это он! – плакал Птаха. – Он, он... деда заговорил!

Главарь в растерянности ударил Птаху кулаком по щеке, потом, яростно зайдясь матом, двинулся к Беннетту. Вскинул револьвер.

Евгений ждал выстрела. Но вожак не нажимал на курок. Будто не мог прицелиться или забылся.

Затем медленно, словно против воли, поднес дуло к собственному виску, и в следующий миг трупов стало уже два.

Беннетт, не спеша, направился к Птахе. Бедный дурак упал на колени и начал дико размашисто креститься, шлепая губами и роняя слезы.

– Не убивай, дядь! Дядь, не убивай! – он повторял эту фразу как молитву или заклинание.

Доктор сшиб с его головы папаху, захватил левой рукой шею и правой слегка кольнул Птаху в висок кончиком жезла. Мелькнула белая вспышка, и мертвое тело ткнулось лицом в грязь.

Беннетт поднял с земли саквояж, заглянул внутрь, подойдя к трупу вожака, с трудом вытащил из его пальцев револьвер и спрятал в карман. После некоторых раздумий прикончил умирающего Леху.

– Евгений! – торжественно воскликнул доктор, подняв руки. – Предлагаю раскрыть карты!

Евгений сорвался с места и бросился в ближайшую подворотню.

– Нет, нет, стойте! Черт возьми, выслушайте меня!

Двор был маленький и глухой. Евгений прыгнул в темную нору полуподвала, невыносимо больно ушиб колено, стиснул зубы и затаился.

Очень скоро в арке появился доктор Беннетт. Снег серебрил его седые волосы.

– За вас уже отдал жизнь один человек, вы можете быть благоразумны?

Евгений молчал.

– Выходите, Евгений! Мы заключим новый договор, и наши дороги разойдутся!

Евгений мысленно по-английски послал его в ад.

– Я не хотел убивать вашу подругу! – продолжил Беннетт тоном непонятой добродетели. – Вы сами к этому подвели! Очень талантливая и храбрая девочка... Увы – слишком верила в свой талант!

Беннетт не был прирожденным убийцей. Отняв за раз четыре жизни, он заметно охмелел от волнения.

– Вы читали мой дневник! Зачем? Это недостойный поступок, вы знаете об этом?

Доктор топтался на месте, явно не решаясь зайти во двор. Должно быть, ожидал, что Евгений нападет из-за угла арки.

– Евгений! Я даю вам десять секунд! Вы выходите, и мы заключаем договор. Если нет, я насылаю на вас проклятие. Это не морок, но вам будет достаточно. Вы слышите меня? Десять секунд, потом будет поздно!

Евгений не отвечал

– Bloody idiot! – злобно выплюнул Беннетт и повернулся к выходу.

– Стойте!

Евгений вылез из укрытия и быстрыми шагами двинулся к доктору.

– Прекрасно! – улыбнулся Беннетт. – Очень мудро с вашей стороны!

Евгений подошел к нему вплотную, видя, как доктор стыдливо опускает жезл в карман. В следующий миг он схватил Беннетта за лицо. Тот вскрикнул, явно не готовый к такому близкому и наглому нападению, и на пару секунд оказался совершенно уязвим.

Альцина была права: Евгений еще ни разу в жизни ни с кем не дрался. Но тут в него словно вселился свирепый дух. Он продолжал яростно давить пальцами лицо врага, все сильнее прижимая его голову к каменной стене. Надо было куда-то бить, но куда? В шею? Евгений почувствовал, что не может этого сделать. Рыча от злости, Беннетт наконец изловчился ударить Евгения по ребрам и отдернул голову в сторону. Их взгляды встретились.

И вдруг Евгений увидел перед собой саму смерть. Насто-

ящую. Смерть в человеческом обличи!

Он завопил от ужаса, бросился назад во двор, поскользнулся, упал. Едва он стал подниматься, как что-то тяжелое и жесткое нанесло ему страшный удар в челюсть. Зубы клацнули, разлетаясь осколками.

Евгений повалился на спину, чье-то невидимое колено уперлось ему в грудь. Евгений снова увидел смерть. Смерть склонила над ним свое белое восковое лицо. Ее рука, словно перо держащая серебристый жезл, подрагивая, зависла у его виска.

– Молния в дюйме от тебя! – прошипел Беннетт сквозь зубы. – Повторяй за мной: я, Евгений Цветков, вольно или не вольно, но исходя из соображений... Повторяй!

Он сдавил Евгению горло холодными пальцами свободной руки. Чтобы не задохнуться, Евгений начал еле слышно повторять.

– Молодец! – оскалился Беннетт.

И тут Евгений понял, что уйти от смерти можно... если броситься к ней в объятия. Едва доктор ослабил хватку, чтобы дать ему вдохнуть, Евгений, повинуясь какому-то иррациональному подсознательному порыву, вдруг резко мотнул головой, и пылающий кончик серебристой спицы ненамеренно коснулся его виска.

Свет. Жуткий, выжигающий глаза огонь. Евгений решил, что умер, но вскоре услышал очень знакомые гадкие звуки, вряд ли существующие в ином мире. Он почувствовал, что

может встать на ноги.

«Я ослеп!» – с болью подумал Евгений.

Но зрение, к счастью, начало возвращаться к нему через несколько секунд, показавшихся вечностью.

Он уже видел яркие, словно залитые солнцем очертания двора, которые гасли и постепенно заполнялись мраком ночи.

Он вспомнил, что где-то рядом должен быть Беннетт. В ужасе зажмурился, замотал головой. Надо срочно восстановить зрение, или ему конец!

Ничего не случилось. Никто не напал. Спустя некоторое время, когда от огненного тумана остались только яркие мурашки, Евгений обратил внимание на доносящиеся с земли сдавленные стоны.

Беннетт корчился в грязи, обеими руками схватившись за голову. Евгений первым долгом отыскал волшебный жезл и наступил на него ногой. Быть может, его стоило поднять и отбросить подальше, но Евгению не хватило на это храбрости.

Заметив это, Беннетт медленно полез рукой в карман пиджака.

«Револьвер!»

Евгений кошкой бросился к нему и разжал его пальцы (хватка врага оказалась неожиданно слабой), отнял револьвер и с победным криком направил Беннетту в лицо.

Перед ним нелепо, чуть приподнявшись, валялся пожи-

лой человек в перепачканном костюме с вытаращенными глазами и скачущей челюстью.

Евгений надеялся увидеть в этих глазах стыд или хотя бы смущение, но в них не было ничего, кроме потрясения и нарастающего ужаса.

– Выслушайте меня...

– Закрой пасть! – Евгений сам не заметил, как скатился к рабоче-крестьянской лексике.

– Я... я... я понимаю... Ваша ярость вполне обоснована...

– Мерзавец! – прорычал Евгений, сплевывая кровью.

Он был почти готов всадить пулю в этот холеный высокий лоб.

– Прошу...

– Что вы со мной сделали?

– Кто? Что сделали?

– Кто такой Мсье Фантазм?

– Я не знаю! – простонал Беннетт. – Мне... мне плохо...

Жажда убить сожрала Евгения целиком. Особенно теперь, когда негодяй заныл.

– Говори!

– Мсье Фантазм... – забормотал Беннетт, мученически закрывая глаза. – Я должен был вернуть ему долг, когда покинул клуб... Долго рассказывать! Я не мог отказаться! Я обещал найти для него подходящего человека... Он искал в вас дар...

– Дар?

– Дар высшего созидания. Он заманивает к себе молодых людей: талантливых и слабых, которые запутались, разочаровались во всем. Заглядывает в их души... Поэты, художники, писатели – все, кто создает собственные миры – это его добыча.

– И что он сделал со мной?

– Н-ничего! Вы слишком хотели жить. Поэтому я... выкупил вас у него. У вас хороший потенциал, вы были очень полезны, как медиум!

Евгений понял, что надо жать на курок сейчас или... или застрелиться самому!

– Евгений, вы не знаете, чего лишитесь, убив меня! – уже более ровным тоном заговорил доктор, так и норовя заглянуть в глаза. – Это поразительный мир! Я могу вам его открыть, стать вашим проводником! Услуга за услугу!

«Не смотри ему в глаза!» – тихо шепнуло Евгению его сердце.

В тот же миг сознание как-то невзначай раздвоилось. Одна его часть продолжала все понимать, но уже утратила власть над телом, а вторая, плывя в туманную даль, послушно дала телу команду поднести револьвер к собственному виску и нажать на курок.

Евгений взвыл от ярости, невероятным усилием воли, разжал зубы и заорал. Это было одно простое слово, прогремевшее, как гром, как взрыв, породивший вселенную. Слово «Нет!»

Он пришел в себя. Доктор Беннетт почти не шевелился. На белой ткани рубашки, сбоку от галстука расползлось густое черное пятно.

Так все и кончилось. Евгений положил револьвер в карман и медленно, словно в полусне, пошел к арке.

Когда он дотронулся до ссадины на подбородке, то вспомнил о своих незаживающих царапинах на левой руке. Взглянул на ладонь и увидел гладкую кожу, чуть испачканную грязью. Подпись исчезла вместе с договором, который исчез вместе с нанимателем.

На земле, завалившись на бок, жалко торчал бесхозный саквояж. Евгений не знал, надо ли вышвырнуть его в Москву-реку или оставить лежать. Очень скоро его подберут. Быть может, в руках нового хозяина эти вещества убьют тысячи людей? Или наоборот спасут множество жизней? Евгений выбрал средний путь и выбросил саквояж в дыру полуподвала.

Какая разница... Он сам уже давно стал убийцей.

Зато теперь он не боялся за себя. Не потому что опасность исчезла: опасности было больше, чем когда бы то ни было. И не потому что, пережив потрясение, утратил страх. Просто теперь он знал, что зло само боится его. Боится расплаты, боится смерти.

А еще он знал, что он не один. Перед ним был целый мир, который он мог облететь за одну ночь, не раскрывая глаз (доктор-таки сделал ему добро, сам того не желая). И

в этом мире живет девушка, которая страдает несравнимо больше, чем он: ведь даже родившись слепым, человек прекрасно знает, как сильно его обделили.

«Я увижу ее!» – решил Евгений.

Он шел по темной, грязной улице, по мрачному, холодному городу, окруженный непонятным и страшным миром, готовым уничтожить его в любой момент. А, может, не таким уж и страшным?

«Дураки образумятся», – думал Евгений. – «Злодеи заплачут, дети засмеются, снова распустятся деревья и цветы...»

Впервые в жизни он не испытывал нужды убеждать себя, что однажды будет счастлив. Он знал это.

Так и случилось.

***

А саквояж через год оказался в руках беспризорников, потом попал в милицию, оттуда в военный госпиталь, и, в конце концов, действительно погубил и спас не одну жизнь. Но это уже отдельный сюжет.